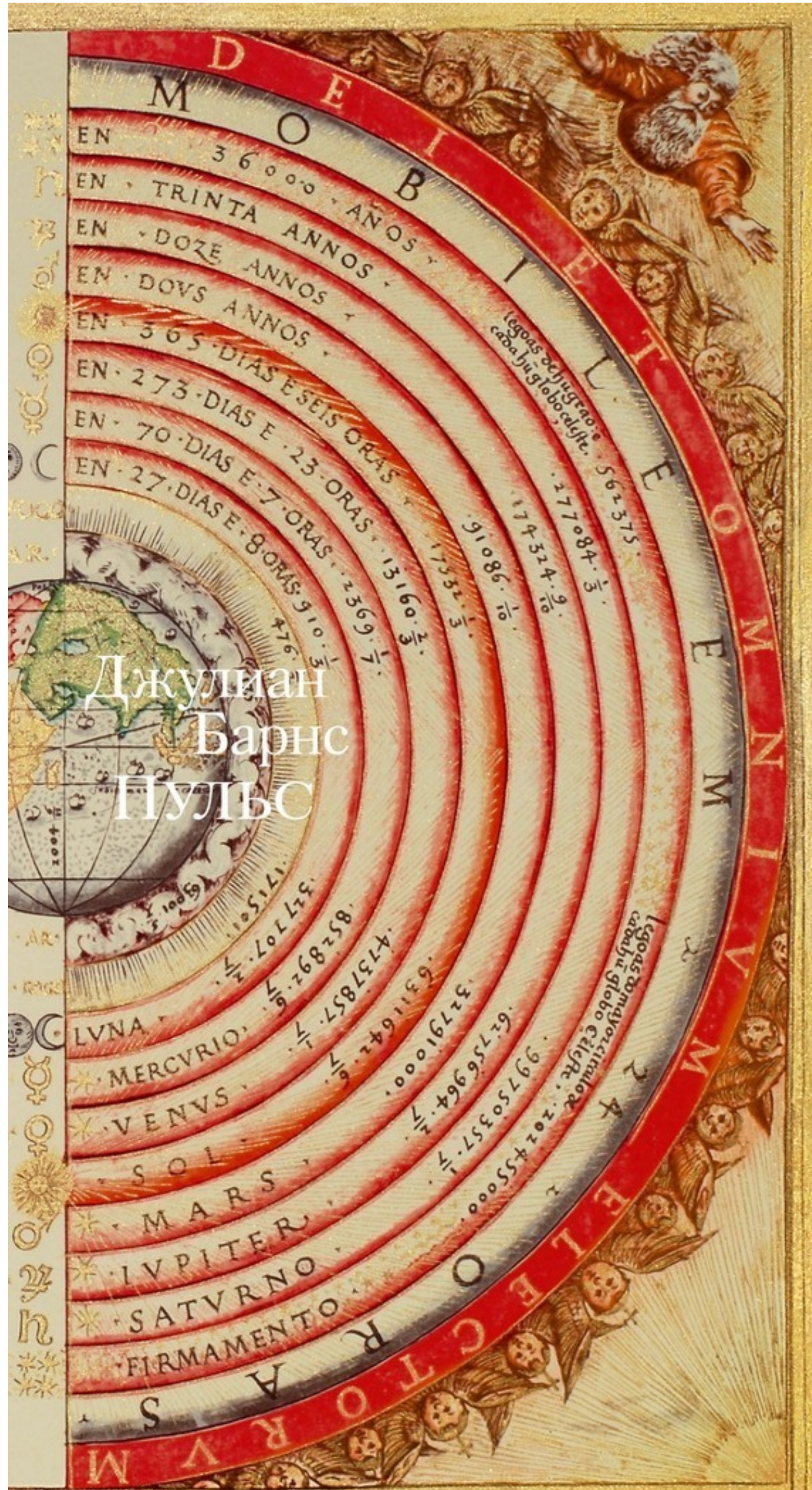

Большой роман

Джулиан Барнс

Пульс (сборник)

«Азбука-Аттикус»

2011

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Барнс Д. П.

Пульс (сборник) / Д. П. Барнс — «Азбука-Аттикус»,
2011 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-12882-8

Лауреат Букеровской премии Джулиан Барнс – один из самых ярких и оригинальных прозаиков современной Британии, автор таких международных бестселлеров, как «Шум времени», «Предчувствие конца», «Англия, Англия», «Попугай Флобера», «История мира в 10¹/₂ главах», «Любовь и так далее», «Метроленд» и многих других.

Возможно, основной его талант – умение легко и естественно играть в своих произведениях стилями и направлениями. Тонкая стилизация и едкая ирония, утонченный лиризм и доходящий до цинизма сарказм, агрессивная жесткость и веселое озорство – Барнсу подвластно все это и многое другое. В своем недавнем сборнике Барнс «снова демонстрирует мастер-класс литературной формы» («Saturday Telegraph»). Это «глубокое, искреннее собрание виртуозно выделанных мини-вымыслов» («Time Out») не просто так озаглавлено «Пульс»: истории Барнса тонко подчинены тем или иным ритмам и циклам – дружбы и вражды, восторга и разочарования, любви и смерти...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-12882-8

© Барнс Д. П., 2011
© Азбука-Аттикус, 2011

Содержание

Часть первая	8
Восточный ветер	8
У Фила и Джоанны: 1 На шестьдесят процентов	17
Переспать с Джоном Апдайком	26
У Фила и Джоанны: 2 Апельсиновый джем	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41
Комментарии	

Джулиан Барнс

Пульс (сборник)

Посвящается Пат

Julian Barnes

PULSE

Copyright © Julian Barnes, 2011

All rights reserved

© Е. Петрова, перевод, примечания, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство Иностранка®

Глубокое, искреннее собрание виртуозно выделанных мини-вымыслов.
TimeOut

Барнс в «Пульсе» снова демонстрирует мастер-класс литературной формы.
Saturday Telegraph

Все рассказы в «Пульсе» отличаются той абсолютной завершенностью и плотностью, что свойственна лишь самой лучшей короткой прозе.
New Statesman

Идеально сбалансированный сборник... своего рода пара к недавней блестящей новинке «Нечего бояться».
The Observer

Если кто-то до сих пор почему-то думал, что Барнс холодный, попусту умствующий автор, – пусть прочтет заглавную повесть «Пульс». Остальных же нет нужды убеждать поскорее взяться за эту во всех отношениях примечательную, изящную книгу.
The Telegraph

При всей разноплановости этих историй, объединяет их неизменный и глубокий интерес автора к женской неуловимости, к мужскому буквализму и к той непостижимой силе, что сводит мужчин и женщин вместе или же расшвыривает их в стороны.
The Guardian

Тонкий юмор, отменная наблюдательность, энергичный слог – вот чем Барнс давно пленил нас и продолжает пленять в «Пульсе».
The Independent

В своем поколении писателей Барнс безусловно самый изящный стилист и самый непредсказуемый мастер всех мыслимых литературных форм.
The Scotsman

Джулиан Барнс – хамелеон британской литературы. Как только вы пытаетесь дать ему определение, он снова меняет цвет.

The New York Times

Как антрепренер, который всякий раз начинает дело с нуля, Джулиан никогда не использует снова тот же узнаваемый голос... Опять и опять он изобретает велосипед.

Джей Макинерни

Все рассказы первой части книги перемежаются историями-диалогами из жизни одной семейной пары, к которой приходят гости. Они напиваются и начинают вести пьяно-остроумную беседу. И тогда становится понятно, что Барнс полностью разделяет сентенцию Мандельштама, что всякая семья держится на слове, на цитате, на разговоре. Рассказы второй части сборника не так легко укладываются в готовую схему. Нельзя сказать, что они, мол, об одиночестве или о детстве, хотя детская тема в них не последняя. Но, наверное, все-таки они о том же, о чем и первая часть, – о семье.

TimeOut

В сборнике «Пульс» проза Барнса в переводе Елены Петровой сразу погружает читателя в блаженное состояние покоя. Писатель словно приглушает звук своего голоса, а заодно – и шум вокруг, чтобы все могли обнаружить ту еле заметную пульсацию, которая предшествует возникновению всего нового, будь то любовь и душевная привязанность или, напротив, – разлука и печаль.

Известия

Fine tuning – тонкая настройка – ключевое свойство прозы буковарского лауреата Джулиана Барнса. Барнс рассказывает о едва уловимом – в интонациях, связях, ощущениях. Он фиксирует свойства «грамматики жизни», как выразится один из его героев, на диво немногословно, обходясь кратким диалогом, вскинутой бровью, деталью вроде прилежно разглаженной рубашки или узора на свитере. В итоге и самые обыденные человеческие связи оборачиваются в его прозе симфонией. Идет ли речь о внезапном сближении разведенного риелтора и официантки из прибрежного ресторанчика, робко надеющихся на любовь (рассказ «Восточный ветер»), или о выучивших друг друга наизусть супругах («Огородный мир»), или о двух британских писательницах, близких подругах, но соперницах («Переспать с Джоном Апдайком»), стареющих родителях и привязанном к ним сыне («Пульс») – в каждом Барнс, благодарный слушатель человеческих отношений, различает гармонию, боль и просто красоту.

Майя Кучерская (Psychologies)

Барнсовский шедевр 2011 года – формально сборник рассказов, на деле – нечто вроде романа в историях; во-первых, общие темы (любовь, секс, соучастие, смерть, брак, вторжение в личное пространство, измена, педантичность, время, смерть), во-вторых, система лейтмотивов, в-третьих, внутри большего тела есть меньшее – внутренний цикл из четырех рассказов. <...> Скажем так: хлеб Барнса – отношения, хрупкие связи между людьми, области, где не существует абсолютного знания и ни у кого

нет монополии на правоту просто потому, что люди – продукты разных обстоятельств, физиологических, географических и интеллектуальных. <...> Обман чувств – неверные знания – и трагикомические ошибки, которые из этого следуют, – вот про что барнсовские рассказы. Рассказы про то, что ни воображение, ни интеллект, ни интуиция не могут уберечь людей от размолвок; и наоборот, бессмысленные, иррациональные поступки... способны мгновенно преодолевать любые расстояния между людьми, даже такой барьер, как смерть.

Лев Данилкин (Афиша)

Часть первая

Восточный ветер

В ноябре огонь уничтожил шеренгу деревянных пляжных домиков; колючий восточный ветер отдирает и подбрасывает в воздух клочья краски. Когда примчались пожарные – депо находилось в двенадцати милях, – они уже ничего не могли поделать. «Хулиганская выходка», – сообщила местная газета; виновных так и не нашли. В региональном выпуске новостей выступил некий архитектор из фешенебельного прибрежного района; он заявил, что пляжные домики были неотъемлемой частью городской социальной среды, а потому их необходимо восстановить. Муниципалитет пообещал рассмотреть все предложения, но дальше слов дело не пошло.

Вернон перебрался в этот город за пару месяцев до тех событий и не парился из-за пляжных домиков. Вообще говоря, с их исчезновением обзор из ресторанчика «Козырное место», где он иногда обедал, явно улучшился. Занимая излюбленный стол у окна, он теперь видел за полосой асфальта мокрую гальку, тоскливое небо и безжизненное море. На то оно и восточное побережье: месяц за месяцем погода временами паршивая, а в основном – никакая. Его это устраивало: для того он сюда и переехал, чтобы в его жизни не было никакой погоды.

– Что-нибудь еще?

Он даже не взглянул на официантку.

– До Урала, – пробормотал он, глядя на долгое, ровное море.

– Что, простите?

– Пустота, отсюда и до Урала. С той стороны прилетает ветер. Без помех. Через множество стран. – Того и гляди, причиндалы себе отморозишь, добавил бы он в другой обстановке.

– Дауралла, – повторила она.

Уловив акцент, он взглянул на нее снизу вверх. Круглолицая, высветленные прядками волосы, крепко сбитый торс и полное отсутствие официантских уловок, рассчитанных на щедрые чаевые. Не иначе как из Восточной Европы: таких сейчас по всей стране пруд пруди. Нанимаются на стройки, в пабы и рестораны, на уборку фруктов. Приезжают целыми фургонами и автобусами, ютятся в трущобах, чтобы хоть как-то заработать. Одни здесь оседают, другие возвращаются домой. Вернон из-за них не парился. В последнее время он все чаще за собой это замечал: ему было на все плевать.

– Вы оттуда?

– Откуда?

– Из тех краев. Отсюда и до Урала.

– Дауралла. Можно так сказать.

Станный ответ, подумалось ему. Впрочем, девушка, наверное, в географии не сильна.

– Исккупаться нет желания?

– Исккупаться?

– Ну да. Поплавать. Плюх-плюх, кролем, брассом.

– Плавать – нет.

– И это правильно, – сказал он, лишь бы что-то сказать. – Счет, пожалуйста.

В ожидании он снова оглянулся на мокрую гальку за полосой асфальта. Совсем недавно пляжные домики уходили влет по двадцать кусков. Или по тридцать? Впрочем, только на южном побережье. Резкий рост цен на недвижимость, небывалая активизация рынка, кричали газеты. Правда, это касалось других регионов и не той недвижимости, которой занимался он сам. Местный рынок медленно, но верно загнивал; диаграммы продаж оставались ровными,

как море. Старики умирают, их дома и квартиры выставляются на продажу, новые владельцы точно так же стареют и умирают. Вот и весь бизнес. Городок не котировался – ни теперь, ни прежде: лондонцы предпочитали селиться вдоль трассы A12 или там, где престижней. Да плевать на них. Он и сам до развода жил в Лондоне. Теперь вот работу нашел непыльную, обосновался на съемной квартире, раз в две недели ребятишек забирал к себе на выходные. Когда подрастут, им тут, наверное, скучно будет, начнут нос воротить. Но до поры до времени им нравилось гулять у моря, пускать по воде «блинчики», хрустеть чипсами.

Когда она принесла счет, он сказал:

– Надо нам отсюда сдернуть и поселиться где-нибудь в пляжном домике.

– Я не полагаю.

Она покачала головой, будто восприняла его предложение всерьез. Что поделаешь, английский юмор особой привычки требует.

На него навалилось довольно много дел – подбор вариантов для переезда, косметический ремонт, гидроизоляция, затем подвернулась продажа дома на побережье, – и примерно с месяца он не заглядывал в «Козырное место».

Съев пикшу с грибным соусом, Вернон развернул газету. В Линкольншире один из городов буквально заполонили иммигранты – теперь население наполовину состояло из поляков. По воскресеньям, говорилось далее, в костеле собирается больше прихожан, чем в англиканской церкви, – так много стало выходцев из Восточной Европы. Но его это не касалось. У него, кстати, были знакомые поляки – каменщики, штукатуры, электрики, – и он к ним относился вполне терпимо. Не халтурят, дело свое знают, исполнительные, надежные. А британцам-шаромыжникам, подумал Вернон, давно пора дать пинка под зад.

В тот день вышедшее из-за туч солнце низко зависло над водной гладью, слепя ему глаза. Март близился к концу, и весна ощупью пробиралась даже в это береговое захолустье.

– Поплавать не надумали? – спросил он, когда она принесла счет.

– О нет. Плавать – нет.

– Я так понимаю, вы из Польши.

– Меня зовут Андреа, – ответила она.

– Мне-то все равно, из Польши или еще откуда.

– Мне тоже.

Закадрить девушку для него всегда было проблемой: вечно с языка слетало что-нибудь не то. А после развода стало еще хуже – впрочем, куда уж хуже? – потому что душа не лежала к таким делам. А к чему у него лежала душа? Об этом – потом. Сейчас о флирте. Он прекрасно знал, какое выражение появляется в женских глазах, если ляпнуть что-нибудь невольно. Откуда только такие берутся, говорили эти глаза. Ну, флирт, в конце концов, занятие обоюдное. А он, видно, стареть стал. Тридцать семь лет, отец двоих детей: Гэри (восьми лет) и Мелани (пяти лет). Именно так было бы написано в некрологе, если бы поутру волны выбросили его тело на берег.

– Я – риелтор, – сообщил он.

Эта подробность тоже не способствовала флирту.

– Что это значит?

– Дома продаю. Квартиры. Предлагаю жилье в аренду. Комнаты, квартиры, дома.

– Это интересно?

– Это заработок.

– Заработок надо всем.

Ему вдруг подумалось: нет, ты тоже не мастерица флиртовать. Может, на родном языке тебе легче, но на английском – просто беда, так что мы с тобой – два сапога пара. И еще он

подумал: на вид крепкая. Может, мне такая и нужна – крепкая. Похоже, мы ровесники. Да какая, в сущности, разница. Не назначать же ей свидание.

Он назначил ей свидание. Куда пойти – выбор был невелик. Одна киношка, два-три паба, несколько кафе и ресторанчиков, причем в одном из них она работала. Что еще – зал для игры в бинго, где собирались в основном старики, чьи квартиры он будет выставять на продажу после их смерти, да еще клуб, где тусовались какие-то заторможенные готы. Малолетки ездили по пятницам в Колчестер и закупали там дурь, чтобы хватило на выходные. Кто-то из них, как пить дать, и подпалил пляжные домики.

Поначалу он проникся к ней симпатией за то, чего в ней не было. В ней не было ни тени жеманства, болтливости, наглости. Ее не смущало, что он агент по недвижимости, разведен, с двумя детьми. Другие женщины, быстро смекнув, что к чему, говорили «нет». У него вообще сложилось такое впечатление, что девушка скорее свяжется с женатым – хотя это паскудство, – чем с мужиком, оставшимся у разбитого корыта. Впрочем, оно и неудивительно. А эта не возражала. И не задавала лишних вопросов. Кстати сказать, и сама на вопросы не отвечала. Когда у них дошло до поцелуев, он решил выяснить ее национальность, да потом забыл.

Пригласил ее к себе, но она отказалась. Сказала, что придет в другой раз. Несколько дней у него был мандраж: все не получалось представить, как он после такого перерыва ляжет в постель с совершенно другой женщиной. Он укатил по приморскому шоссе за пятнадцать миль, туда, где его никто не знал, чтобы только купить презервативы. Не то чтобы стыдился или комплексовал – просто не хотел сплетен и домыслов.

– Это хорошая квартира.

– Ну, если риелтор не способен найти для себя приличную квартиру – грош ему цена.

Она принесла с собой дорожную сумку; переоделась в ванной и вышла в ночной рубашке. Они легли в постель и погасили свет. Ему показалось, что она как-то скованна. Да и за собой он заметил то же самое.

– Давай просто калачиком, – предложил он.

– Что это значит – «калачиком»?

Он показал.

– «Калачиком» – значит без секса?

– Да, калачиком – это просто полежать.

– Хорошо, калачиком.

Вскоре они расслабились, а там и уснули.

На следующий раз, после недолгой прелюдии, он с трудом вспомнил, как управляться со скользкой от смазки «резинкой». Понятно, что презерватив надо разворачивать с аккуратностью, но он стал натягивать его, как носок, лихорадочно дергая за край. В потемках ничего не получалось. Женщина молчала, не фыркала и не кашляла, и вскоре он повернулся к ней. Она подняла до пояса ночную рубашку, и он лег сверху. Мозги отчасти затынула похоть и близость, а отчасти – пустота, будто он не мог взять в толк, что вообще происходит.

Тогда, в первый раз, его не особенно заботили ее ощущения. Его заботили свои собственные. О женщине начинаешь думать позже.

– Тебе было хорошо? – спросил он через некоторое время.

– Да, это было хорошо.

В темноте Вернон рассмеялся.

– Ты смеешься надо мной? Тебе это не было хорошо?

– Андреа, – сказал он, – все отлично. Никто над тобой не смеется.

Когда она уснула, он подумал: а ведь мы оба начинаем заново. Не знаю, что у нее было в прошлом, но я же вижу: мы оба начинаем с нуля, и это неплохо. Все отлично.

В следующий раз она вела себя более раскованно и даже обхватила его ногами. Он так и не понял, кончила она или нет.

– Ух ты, сильная какая, – сказал он, отдышавшись.

– Сильная – плохо?

– Нет-нет. Что ты. Сильная – это хорошо.

Но при следующей встрече он заметил, что она больше не стремится это повторить. Кроме того, ей не нравилось, когда он ласкал ее грудь. Нет, не совсем так. Видимо, она просто не реагировала. То есть если у него возникало такое желание – пожалуйста, но это было как бы для него, а не для нее. Во всяком случае, так ему казалось. А где сказано, что в первую неделю необходимо прояснить все детали?

Он даже радовался, что они оба не умеют флиртовать: флирт – это обман. Андреа никогда с ним не хитрила. Она была неразговорчива, но слово свое держала. На свидания приходила вовремя и стояла в назначенном месте как штык: высматривала его, время от времени убирая с лица прядь волос и прижимая к себе сумку крепче, чем требовалось в этом городке.

– Ты надежная, не хуже поляков-строителей, – как-то раз заметил он.

– Это есть хорошо?

– Это есть очень хорошо.

– Так правильно выражение?

– Отныне – да.

Она просила, чтобы он исправлял ее ошибки. Он научил ее говорить «не думаю» вместо «я не полагаю», но на самом деле ему нравилось, когда она строила фразы по-своему. Понимал он ее без труда, а легкие неправильности речи придавали ей изюминку. Наверное, он не хотел, чтобы она заговорила как англичанка, – опасался, что тогда она и вести себя начнет как англичанка... то есть как одна известная особа. И уж меньше всего ему хотелось изображать наставника.

Так же и в постели. Пусть все идет, как идет, говорил он себе. Если она никогда не снимает ночную рубашку, значит у католиков так принято – хотя она ни разу не обмолвилась, что ходит в костел. Когда он просил ее сделать что-нибудь особенное, она не отказывалась и вроде бы даже получала удовольствие, но сама не высказывала никаких желаний – ему даже казалось, что интимные прикосновения его руки ей не особенно приятны. Но он по этому поводу не парился – ее же никто не принуждал.

К себе в гости она его не звала. Если он подвозил ее домой, она тут же устремлялась по бетонированной дорожке – он даже не успевал поставить машину на тормоз; а в ожидании встречи всегда стояла на тротуаре. На первых порах это было само собой, потом превратилось в какую-то нелепость, и он попросил разрешения зайти к ней в квартиру, буквально на минуту, чтобы получить представление, где она обретается, когда они не вместе. Они вернулись к подъезду (дом сблокированный, на две квартиры, обе сданы внаем; постройка тридцатых годов прошлого века, наружное покрытие – декоративная штукатурка; металлические оконные переплеты с заметными признаками коррозии); она отперла дверь. Взгляд риелтора тут же оценил размер жилой площади, меблировку и порядок арендной платы; взгляд любовника выхватил комод, фотографии в пластмассовых рамках и открытку с изображением Девы Марии. Узкая койка, крошечная раковина, бросовая микроволновая печь, маленький телевизор, одежда на вешалках, зацепленных за хлипкую рейку для картин.

Через минуту они уже вышли на улицу, но мимолетная обнаженность ее жизни задела в нем какую-то струнку. Чтобы себя не выдать, он сказал:

– Красная цена – пятьдесят пять. Плюс коммунальные услуги. За те же деньги могу подыскать тебе что-нибудь попросторнее.

– Привыкла так.

С наступлением весны они стали ездить в Суффолк, где имелаась недвижимость в традиционном английском стиле: фахверковые дома, не требующие гидроизоляции, тростниковые крыши, которые сразу взвинчивают страховку. Как-то раз они остановились у пригородного парка и сели на скамейку возле пруда, но ей там не понравилось, и они пошли осматривать собор. Он надеялся, что она не станет расспрашивать его о различиях между англиканством и католичеством или о причинах раздела церквей. Каким-то боком в этом был замешан Генрих VIII, которому приспичило заключить повторный брак. Монаршие причиндалы. Если вдуматься, все завязано на сексе. Но у нее, по счастью, никаких вопросов не возникло. Теперь она привычно брала его под руку и чаще улыбалась. Вернон дал ей ключ от своей квартиры; она понемногу начала оставлять у него кое-какие вещи. Как-то в воскресенье он, не зажигая света, потянулся к тумбочке и обнаружил, что презервативы закончились. Невольно ругнулся; пришлось объяснять, что к чему.

– Ничего, все нормально.

– Нет, Андреа, какое, к черту, «нормально». А вдруг ты залетишь?

– Не думаю. Залететь – нет. Все нормально.

Он не стал спорить. Позднее, когда она уснула, он задумался над ее словами. Что она имела в виду: что не может иметь детей? Или для верности глотает таблетки? Интересно, какого мнения на этот счет Дева Мария? Нельзя же – вдруг пришло ему в голову – полагаться на метод естественного цикла. Он регулярно дает сбои – на радость папе римскому.

Время шло; он познакомил ее с Гэри и Мелани; дети ее приняли. Она не пыталась их воспитывать – скорее, наоборот, они ее поучали, а она не возражала. Кроме того, они засыпали ее вопросами, которые он сам не осмеливался, да и не хотел задавать.

– Андреа, у тебя есть муж?

– Можно нам телик всю ночь не выключать?

– Ты когда-нибудь была замужем?

– А если я скушаю сразу три, меня не вырвет?

– Почему ты не вышла замуж?

– А сколько тебе лет?

– У тебя дети есть?

– Вы с папой поженитесь?

Кое-какие ответы он мотал на ус; она, как любая здравомыслящая женщина, по-прежнему скрывала свой возраст. Однажды ночью, в темноте, когда он отвез ребятишек домой и не мог даже думать о сексе, поскольку был в полном раздрае, как всегда в таких случаях, у него вырвалось:

– Как по-твоему, ты сможешь меня полюбить?

– Да, думаю, так.

– «Сможешь» или «полюбишь»?

– А какая разница?

Он задумался.

– Никакой. По мне – что одно, что другое. А еще лучше – и то и другое. Как ты захочешь, так и будет.

Дальше события развивались без видимой причины. Может, дело было в том, что он стал к ней прикипать, а может, в том, что это произошло вопреки его воле. Или просто водился за ним грех – вечно все портить? Жена – бывшая – так ему и сказала однажды утром: «Слушай, Вернон, я зла на тебя не держу, честное слово. Но жить с тобой не могу – вечно тебе нужно все изгадить». Это было как гром среди ясного неба. Ну допустим, он во сне похрапывал, одежду разбрасывал где попало, смотрел, как все, телевизор – спортивные репортажи. Но домой при-

ходил вовремя, детей любил, налево не бегал. Очевидно, некоторые считают, что это и значит «гадить».

– Можно у тебя кое-что спросить?

– Ну.

– «Ну» – так американцы отвечают. Британцы говорят «конечно, пожалуйста».

Она посмотрела на него так, будто спрашивала: «С чего это ты вдруг начал меня поправлять?»

– Конечно, пожалуйста, – повторила она.

– Помнишь, у меня не оказалось «резинки» и ты сказала: «Все нормально». Что ты имела в виду – на тот момент «нормально» или вообще?

– Вообще.

– Надо же, какая экономия – тебе известно, сколько стоит упаковка?

Зря он это ляпнул – даже сам понял. Господи, может, она пережила неудачный аборт, изнасилование, да мало ли что.

– Ты не можешь иметь детей?

– Да. Тебе это противно?

– Андреа, я тебя умоляю. – Он взял ее за руку. – У меня и так двое детей. Вопрос в другом – тебе-то как, ничего?

Она потупилась.

– Нет. Мне плохо. Мне – несчастье.

– Ну, мы могли бы... Не знаю, к врачу пойти, что ли. К специалисту. – Ему думалось, что здешние специалисты – не чета другим.

– Нет, не надо к специалисту. НЕ НАДО К СПЕЦИАЛИСТУ.

– Хорошо, не пойдем к специалисту.

А про себя подумал: усыновление? Мне, наверное, третьего не потянуть – я же алименты плачу.

Презервативы он больше не покупал. Подъезжал к ней с вопросами, стараясь проявлять максимальную деликатность. Но деликатность – это как флирт: особый дар. Нет, не так. Суть в другом: деликатность легко дается только тому, кого не колышет возможный ответ.

– Почему ты все время задаешь эти вопросы?

– Разве?

– По-моему, да.

– Я не хотел тебя обидеть.

На самом деле он не хотел, чтобы она заметила. И не хотел быть настырным. Но сдержаться тоже не мог. Когда они впервые остались наедине, ему даже нравилось, что он ничего о ней не знает: это придавало их отношениям какую-то особенность, свежесть, что ли. Со временем она узнала о нем все, а он о ней – ничего. Ну и пусть бы все шло своим чередом – что тут такого? Так ведь нет, тебе нужно все изгадить, нашептывала ему жена, бывшая. А он не мог смириться. Если полюбил – хочется узнать все. Хорошее, плохое, все подряд. Никто не собирается ворошить грязное белье. Просто любовь должна быть без утайки, говорил себе Вернон. Даже если она еще на подходе. Андреа не держала камня за пазухой, это уж точно. А если в ней больше хорошего, чем плохого, почему бы не прояснить кое-что без ее ведома?

В «Козырном месте» его все держали за своего: и миссис Риджуэлл, управляющая, и вторая официантка Джилл, и старик-владелец по имени Герберт, который наведывался в свое заведение только для того, чтобы на халяву перекусить. Улучив минуту в обеденное время, когда наплыв посетителей увеличивался, Вернон прошел мимо стойки в коридор. Комнатушка (размером со стеной шкаф, не более), где персонал оставлял свои вещи, находилась как раз напротив мужского туалета. Вернон проскользнул внутрь, отыскал знакомую сумку, вытащил

ключи и вернулся в зал, шевеля пальцами и всем своим видом показывая: от этой сушилки проку ровно ноль, видите?

Мимо пробежала Андреа; он ей подмигнул, а потом сгонял в слесарную мастерскую, пожаловался на безалаберных клиентов, которые не удосужились заказать второй комплект ключей, вернулся в «Козырное место», заготовив шутку насчет холодной погоды и зова природы (шутка не пригодилась), вернул ключи на место и заказал себе капучино.

Для первого посещения он выбрал пасмурный день, когда все прохожие на одно лицо. Ну шагает себе по бетонированной дорожке некто в плаще, открывает входную дверь с матовым стеклом. А там отпирает квартиру, садится на кровать, резко встает, разглаживает вмятину на покрывале, озирается, замечает, что микроволновка не такая уж и бросовая, шарит под подушкой, ощупывает ночную сорочку, разглядывает свисающую с рейки одежду на плечиках, проводит рукой по платью, которого еще не видел, старается не смотреть на убогий комод с фотографиями, выходит, запирает за собой дверь. Что он такого сделал, скажите на милость?

В следующий раз он внимательно рассмотрел Деву Марию и любительские снимки, штук пять-шесть. Руками не трогал: сидя на корточках, изучил все фотографии в пластмассовых рамках. Это, наверное, мамаша, подумал он при виде химической завивки и больших очков. Вот Андреа в детстве, светленькая, крепко сбитая. А это еще кто – брат? Ухажер? Тут, похоже, чей-то день рождения, полно народу, виновника торжества сразу не определишь. Еще раз посмотрев, какой была Андреа лет в шесть или семь – немногим старше Мелани, – он закрепил ее образ в памяти и унес домой.

Придя в третий раз, он потянул на себя верхний ящик комода; ящик заело, и мамаша опрокинулась. В ящике было нижнее белье – почти все знакомое. Потом он сразу взялся за нижний ящик, где обычно устраивают тайник; внутри лежали свитера и несколько шарфиков. Зато в среднем ящике, под какими-то блузками, обнаружили три предмета, которые он в том же порядке выложил на кровать. Справа – медаль, в центре – фото в металлической рамке, слева – паспорт. Фотография изображала четырех девушек в бассейне; они обнимались, разделенные попарно линиями пробковых поплавков. Все улыбались в камеру; на белых резиновых шапочках виднелись заломы. Андреа – легко узнаваемая – была второй слева. На медали красовался пловец, ныряющий в бассейн, а на оборотной стороне читалась дата «1986» и какая-то надпись по-немецки. Сколько же ей тогда было – лет восемнадцать, двадцать? Паспорт подтвердил: год рождения 1967; значит, сейчас ей уже стукнуло сорок. Место рождения – Галле; стало быть, немка.

Вот и все дела. Ни тебе дневника, ни писем, ни вибратора. Никаких секретов. Он полюбил – нет, был близок к тому, чтобы полюбить, – бывшую чемпионку по плаванию. Почему это должно быть тайной за семью печатями? Теперь она отошла от спорта. А если вспомнить – ее буквально передернуло, когда Гэри и Мелани на прогулке стали подталкивать ее к воде и брызгаться. Может, она прогоняла от себя воспоминания. Или считала, что одно исключает другое: выступать на соревнованиях и бултыхаться в море. Балерины ведь тоже в гостях не танцуют.

В тот вечер он изображал веселье, даже слегка дурачился, но ее, по всей видимости, это насторожило, и он взял себя в руки. А через некоторое время успокоился. Почти. В юности, когда он начал встречаться с девушками, его частенько посещала мысль: видно, где-то я не догоняю. Взять хотя бы Карен: так у них чудно все складывалось, без напряжения, одно удовольствие, а она возьми да и спроси: «Ну а дальше-то что?» Как будто дальше только два пути: либо под венец, либо сказочке конец. А с другими, бывало, скажешь что-нибудь, без всякой задней мысли, а тебя сразу хоп – и на крючок.

Они лежали в постели; Андреа подняла до пояса ночную рубашку, и толстый валик, по обыкновению, врезался ему в живот; когда он слегка ускорил ритм, она сменила позу и стиснула его ногами (как шелкунчик, мелькнуло у него в голове).

– Мм, силища как у пловчихи, – шепнул он.

Ответа не последовало, но она явно услышала. Он не останавливался, однако по ней так и не понял, с ним она или где-то далеко. Потом они лежали рядом, глядя в потолок, и он что-то говорил, но она не откликалась. Ладно, замнем пока, решил Вернон. И провалился в сон.

На другой день, ближе к вечеру, он зашел в «Козырное место», чтобы забрать ее после смены, но миссис Риджуэлл сказала, что Андреа приболела. Он стал звонить ей на мобильный, ответа не было, пришлось отправить сообщение.

Потом он дошел до ее дома и нажал на кнопку звонка. Час-другой поболтался по городу, дозвониться так и не смог, дверь ему не открывали, и тогда он воспользовался своим ключом.

В комнате было прибрано – и совершенно пусто. Ни одежды на вешалках, ни фотографий на убогом комод. Зачем-то он заглянул в микроволновую печь: кроме подставки, хоть шаром покати. На кровати лежали два конверта: один, с ключами и, судя по всему, с деньгами, был адресован хозяину квартиры, другой – миссис Риджуэлл. Ему – ничего.

Миссис Риджуэлл спросила, не поссорились ли они. Нет, ответил он, они вообще никогда не ссорились.

– Хорошая была женщина, – сказала управляющая. – Такая надежная.

– Как польская каменщица.

– Надеюсь, вы ей этого не сказали. Обидное сравнение. Тем более что она, по-моему, не полячка.

– Это ясно. – Он посмотрел в сторону моря и невольно выговорил: – Дауралла.

– Как вы сказали?

Отправляешься на вокзал, показываешь кассиру фото пропавшей женщины, кассир вспоминает ее лицо и сообщает, до какой станции она взяла билет. В кино бывает именно так. Но здешний вокзал находился в двенадцати милях, а кассиров там не было и в помине – был единственный автомат, который принимал хоть наличность, хоть кредитки. Да и фотографии она ему не оставила. Это молодежь так развлекается: втискиваются вдвоем в одну фотокабину, девчонка садится к парню на колени – вид самый дурацкий, изображение смазано. А в зрелом возрасте это уже нелепо.

Дома он залез в *Google*, пробил «Андреа Морген» и получил четыреста девяносто семь тысяч результатов. Уточнил свой запрос и сократил это количество до трехсот девяноста трех. Возможно, вы имели в виду: «*Андреа Морган*». Нет, никого такого он не имел в виду. Большинство сайтов оказалось на немецком, и он беспомощно скроллил ниже и ниже. В школе у них немецкого не было; всю жизнь он благополучно обходился без иностранных языков. Вдруг его осенило. Открыв онлайн-словарь, он посмотрел, как по-немецки будет «пловец». Выходило, что мужской и женский род не совпадают. Тогда он набрал в строке поиска: «*Andrea Morgen*», «1967», «*Halle*» и, наконец, «*Schwimmerin*».

Восемь результатов, и все на немецком. Два вроде бы газетных репортажа; один официальный протокол. И ее портрет. Та же фотография, что хранилась у нее в комод: она – вторая слева, в обнимку с подругами, на голове белая шапочка с заломами. Помедлив, он щелкнул на «Перевести эту страницу». Потом нашел и другие ссылки, уже на английском.

Кто ж мог знать, спрашивал он себя. В технику этого дела он, можно сказать, не вникал, в политику не углублялся. Но сейчас без труда вник – и углубился – в такие подробности, которых лучше бы не знать: подробности, от которых даже сейчас, при взгляде на море из окна «Козырного места», воспоминания о ней представляли в совершенно ином свете.

Город Галле находился на территории бывшей ГДР. Там существовала государственная система отбора перспективных детей. Девочек отбирали в возрасте одиннадцати лет. Вернон попытался представить себе жизнь той светленькой, крепко сбитой девочки. Ее родители дали официальное согласие и подписку о неразглашении. Андреа была зачислена в детско-юношескую спортивную школу-интернат Добровольного спортивного общества «Динамо» в Берлине.

Там дети осваивали школьную программу, но большую часть времени проводили в бассейне, на бесконечных тренировках. Быть членом общества «Динамо» считалось почетным: ради этого ее оторвали от семьи. Из мочки уха взяли кровь на анализ, чтобы определить состояние здоровья. Назначили пилюли, розовые и голубые, – сказали, витамины. Потом стали делать уколы – дополнительные витамины. А на самом деле все это были анаболические стероиды и гормоны. Отказы не принимались. Девиз был такой: «Глотай таблетки или умрешь». Тренеры следили, чтобы никто не уваливал.

Она не умерла. Но дорого поплатилась. Мышечная масса наращивалась, а сухожилия за ней не поспевали – сухожилия просто лопались. Откуда ни возьмись появлялась сыпь, голос становился басовитым, на лице и на всем теле начинали расти волосы; от лобка рост волос распространялся на живот, до пупка и выше. У девочек постарше наблюдались физиологические отклонения, нарушения цикла. Вернон захотел уяснить такие понятия, как «вирилизация», «клиторальная гипертрофия», – и был не рад, что докопался до истины. Прочие термины говорили сами за себя: сердечная недостаточность, цирроз печени, деформация плода, врожденная слепота.

Девчонок травили гормонами, чтобы получить результат. Сборная ГДР по плаванию, особенно женская, побеждала на всех чемпионатах. Правда, до таких высот Андреа не поднялась. После падения Берлинской стены разразился скандал, отравителей – тренеров, врачей, спортивное руководство – отдали под суд, но ее фамилия нигде не фигурировала. Таблетки не открыли ей путь в сборную страны. Другие спортсменки, которые выступили на суде и рассказали о надругательствах над своими телами и душами, могли утешаться хотя бы тем, что выиграли золото и познали вкус славы. Андреа всего лишь выиграла эстафету на каких-то соревнованиях местного уровня в несуществующем более государстве. Вернон уставился на полосу асфальта и каменистый берег, на свинцовое море под свинцовым небом. Картинка притворялась, будто всегда такой и была – с тех самых пор, как у окна поставили этот ресторанный стол. А на самом деле раньше взгляд упирался в шеренгу пляжных домиков. Которые потом кто-то сжег.

У Филадельфии и Джоанны: 1 На шестьдесят процентов

Было это в конце той самой недели, когда Хиллари Клинтон отказалась от дальнейшей борьбы. На столе теснились бутылки и бокалы; чувство голода было утолено, однако рука, направляемая какой-то неистребимой компанейской привычкой, так и тянулась схватить очередную виноградину, отщипнуть кусочек от ноздреватого утеса сыра или вытащить из коробки шоколадную конфету. Мы уже обсудили, каковы шансы Обамы против Маккейна и что продемонстрировала Хиллари за последние несколько недель – волевые качества или самообман. Кроме того, мы попытались выяснить, отличаются ли нынешние лейбористы от консерваторов, годятся ли лондонские улицы для автобусов гармошкой, какова вероятность теракта «Аль-Каеды» на Олимпийских играх две тысячи двенадцатого и как повлияет глобальное потепление на виноградники Англии. Теперь Джоанна, которая воздержалась от обсуждения двух последних вопросов, со вздохом произнесла:

– Закурить бы сейчас.

Создалось такое впечатление, будто все исподволь выдохнули дым.

– В такие моменты всегда тянет, правда?

– Закуска-то какая. А уж баранина...

– Спасибо на добром слове. Тушилась шесть часов. Проверенный способ. С добавлением аниса.

– А вино...

– А компания!

– Когда я уже почти бросил курить, меня больше всего бесило осуждение. Спрашиваешь: вы не возражаете? Все говорят «нет», но ты затылком чувствуешь, что каждый воротит морду и старается не вдыхать. Кто-то тебя жалеет, что ТОЖЕ оскорбительно, кто-то волком смотрит.

– У многих даже пепельниц в доме нет, и вот начинаются долгие и нудные поиски какого-нибудь старого блюдца от разбитой чашки.

– Некоторые даже на улицу выгоняют, чтобы ты там околел.

– А загасишь окурочку в цветочном горшке – на тебя так посмотрят, будто ты у хозяйской герани рак провоцируешь.

– Я раньше уносила окурки в сумочке. В полиэтиленовом пакете.

– Как дерьмо за собакой. А когда, кстати, придумали дерьмо убирать?

– Примерно тогда же, когда на курильщиков ополчились. Собачники ходят теперь с вывернутыми пакетиками на руке и ловят момент, когда собачка погадит.

– Мне всегда казалось, что оно теплое, это так? Через полиэтилен ощущается ведь теплое дерьмо.

– Дик, ну в самом деле.

– Я ни разу не видела, чтобы хозяин подождал, пока оно остынет, а вы видели?

– Шоколадные конфеты – чтобы сменить тему. Почему на картинке одно, а в коробке всегда другое?

– Может, наоборот?

– Наоборот – все равно что и не наоборот. Так и так одно другому не соответствует.

– Картинка – это чистая условность. Как программа действий у коммунистов. Идеальный мир. Воспринимайте их как метафору.

– Конфеты?

– Нет, картинки.

– Я раньше любил сигарой затянуться. Целой даже много было. Хватало и половины.

– Правда, что они вызывают разные виды рака?

– Кто?

- Сигары, сигареты, трубка. От трубки бывает рак губы, верно?
- А от сигар какой рак?
- О, самый гламурный.
- Что за гламурный рак? Это логическое противоречие, ты не находишь?
- А самый отстойный – это рак задницы.
- Дик, ну в самом деле.
- ...
- Я что-то не то сказал?
- ...
- А рак сердца бывает?
- ...
- Мне кажется, только как метафора.
- ...
- Георг Шестой – у него ведь был рак легких?
- ...
- Или горла?
- ...
- Так или иначе, это подтверждает его демократичность. Подумать только: оставаться в Букингемском дворце под бомбежками, совершать объезды Ист-Энда и среди руин пожимать руки подданным.
- То есть демократичная форма рака подходила ему как нельзя лучше, это ты хочешь сказать?
- Понятия не имею, что я хочу сказать.
- Мне кажется, он не стал бы пожимать руки. Не королевское это дело.
- А вот такой серьезный вопрос. Кто завязал с курением позже всех: Обама, Маккейн или Клинтон?
- Билл Клинтон или Хилари?
- Естественно, Хилари.
- Билл, как мы помним, частенько появлялся на публике с сигарой.
- Но докуривал ли он потом эту сигару?
- Или убирал на хранение в ящик с регулируемой влажностью, как она – свое платье.
- Зато теперь эту сигару можно пустить с молотка в счет оплаты долгов Хилари по избирательной кампании.
- Маккейн наверняка курил, когда был в плену.
- А Обама наверняка забивал косячок, и не раз.
- Могу поспорить, Хилари никогда не затягивалась.^[1]
- По куреву их узнаете их.
- На самом деле Обама, ваш вероятный президент, был заядлым курильщиком. А потом решил баллотироваться – и перешел на «никоретте». Но сорвался, насколько мне известно.
- Наш человек.
- А что такого, если кто-то из них не удержался? И был застукан фотоаппаратами?
- Да ничего, если он потом глубоко и чистосердечно раскаялся.
- Как Хью Грант, когда его застукали в машине с минетчицей.
- Уж эта-то затянулась от души.
- Дик, прекрати. Уберите от него бутылку.
- ...
- «Глубоко и чистосердечно раскаялся» – это хорошо.
- ...
- Буш не особенно каялся за пристрастие к кокаину.

- ...
- Он ведь не подвергал опасности окружающих.
- ...
- Ну почему же, подвергал.
- Ты имеешь в виду аналог пассивного курения? Мне кажется, пассивного вдыхания кокаина не существует.
- Если торчок не расчихается.
- То есть вреда для окружающих нет?
- За исключением того, что им приходится выслушивать наркотический бред.
- На самом деле...
- Да?
- Если правду говорят, что Буш в свое время был алкашом и нариком, тогда понятно, за счет чего он пробился в президенты.
- За счет умственной отсталости?
- Нет, за счет упертости завязавшего наркомана.
- Ты сегодня прямо штампуешь афоризмы.
- Мое ремесло.
- Упертость завязавшего наркомана. Прости нас, Багдад.
- Значит, мы решили, что не все табачные изделия одинаково вредны?
- Сигары меня успокаивали.
- А меня от сигарет иногда так вставляло – до дрожи в коленках.
- Да уж, помню.
- У меня был знакомый, который специально заводил будильник, чтобы встать посреди ночи и покурить.
- Кто это был, дорогая?
- Да так, один, еще до тебя.
- Я, блин, надеюсь.
- Кто-нибудь читал в газете про Макмиллана?
- Это благотворительный противораковый фонд?
- Нет, это бывший премьер-министр. Но вначале он был министром финансов, году в пятьдесят пятом – пятьдесят шестом. Ему представили результаты исследования, посвященного связи между курением и раком. Читает он и думает: откуда, мать вашу, в казне возьмутся деньги, если курево запретить? Потом видит цифры. Статистику. Продолжительность жизни курильщика – семьдесят три года. Продолжительность жизни некурящего – семьдесят четыре.
- Это правда?
- Так было сказано. И Макмиллан накладывает резолюцию на этот отчет: «Казначейство считает, что процентный доход важнее».
- Ненавижу двуличие.
- А Макмиллан курил?
- И трубку, и сигареты.
- Значит, можно курить в охотку до самой смерти? Если на этом потеряешь всего лишь год.
- Но приобретешь ужасные болезни и страдания, с которыми будешь мучиться до семидесяти трех лет.
- Один год. Разница в один год. Кто бы мог подумать.
- Может, нам всем снова закурить? Не выходя из-за стола. Тайный вызов здоровому образу жизни.
- А что Рейган рекламировал – «Честерфилд»? Или «Лаки страйк»?
- Каким боком это сюда относится?

- Ну, каким-то.
- Ненавижу двуличие.
- Ты повторяешься.
- Я же правду говорю. Вот и повторяюсь. Правительство твердит, что курить вредно, а само живет с акциза. Табачные компании знают, что курить вредно, и сбывают отраву странам третьего мира, поскольку здесь их могут засудить.
- Не странам третьего мира, а странам с развивающейся экономикой. Выражайся политкорректно.
- Странам с развивающейся онкологией.
- А эта история с Хамфри Богартом? Помните, в его честь хотели выпустить почтовую марку, но на фотографии он был с сигаретой, и ее заретушировали. А то человек начнет приклеивать марку на конверт, увидит, что Хамфри курит, и подумает: классно выглядит.
- Наверное, скоро начнут из фильмов вырезать сцены с курением. Вроде того как черно-белым лентам уже добавляют цветности.
- Когда я мальчишкой жил в Южной Африке, комитет по цензуре кромсал все фильмы, показывающие общение черных с белыми. «Остров Солнца» урезали до двадцати четырех минут.
- Ну, если фильм занудный, не грех и урезать.
- Я не в курсе, что ты родом из Южной Африки.
- И еще одна деталь: в кино разрешалось курить. Помните? На экран смотрели сквозь завесу сигаретного дыма.
- Пепельницы в подлокотниках.
- Точно.
- К вопросу о курильщике Хамфри... Иногда смотрю я старый фильм, где парень с девушкой сидят в ночном клубе, выпивают, курят, вальяжно беседуют, и думаю: «Гламурно, мать вашу». А потом думаю: «Кстати, я ведь тоже могу и выпить, и покурить прямо сейчас, почему нет?»
- Это было гламурно.
- Если бы не рак.
- Если бы не рак.
- И если бы не двуличие.
- А ты не затягивайся.
- Пассивное двуличие?
- Бывает. Сплошь и рядом.
- Кстати, разве есть такое слово – «цветность»?
- Кому кофе?
- Разве что с сигареткой.
- Они ведь всегда были неразлучны? Кофе и сигареты?
- Похоже, курева в доме нет. Джим заезжал – оставил пачку «Голуаз», но они такие крепкие, что мы их выкинули.
- А кто-то из твоих подруг оставил «Силк кат», но они слишком легкие.
- В прошлом году были мы в Бразилии: там предупреждения о вреде для здоровья – это просто конец света. Жуткие цветные картинки на сигаретных пачках: младенцы с врожденными уродствами, прокуренные легкие и все такое. А тексты... Ни одного цивилизованного, типа «Правительство ее величества напоминает» или «Минздрав предупреждает». Там без затей сообщают, какая судьба ждет твои внутренние органы. Один парень заходит в магазин, покупает пачку сигарет... не помню точно, какой марки. Выходит, читает предупреждение, возвращается, протягивает сигареты продавцу и говорит: «Эти вызывают импотенцию. А мне нужны те, что вызывают рак».

- Угу.
- По-моему, смешно.
- Видимо, ты им уже рассказывал эту историю, дорогой.
- Ну и что? Могли бы и посмеяться. Вино-то мое пьют, негодяи.
- Да у тебя не смешно получилось, Фил. Надо было урезать.
- Вот паразит.
- Мне кажется, у нас осталось немного травки.
- Разве?
- Да, в дверце холодильника.
- Где конкретно?
- Между пармезаном и томатной пастой.
- А кто принес?
- Уже не помню. Давно завалилась. Наверное, выдохлась.
- Разве травка выдыхается?
- Все выдыхается.
- А кандидаты в президенты?
- В первую очередь.
- Я предлагала ее Дорине.
- Что за Дорина?
- Пол моет.
- Дорина Пол-Моэт? Это каламбур?
- Ты предлагала Дорине?
- Конечно. Разве это противоречит трудовому законодательству? Короче, она не взяла. Сказала, что больше такими вещами не балуется.
- О боже, куда катится мир, если домработница отказывается от халявной марихуаны?
- Мы-то знаем, что на сигареты подсесть проще всего. Проще, чем на алкоголь, легкие наркотики, тяжелые. Вплоть до героина.
- Разве мы это знаем?
- Ну, я читала в газете. Сигареты вызывают привыкание сильнее всего прочего.
- Вот теперь мы знаем.
- Даже сильнее, чем власть?
- Это под вопросом.
- А еще мы знаем, но уже не из газет, что все курильщики врут.
- Выходит, ты нас обозвал бывшими лжецами?
- Ага. Я и сам такой.
- С этого места, пожалуйста, поподробнее.
- Когда начинаешь курить, врешь родителям.
- Врешь, когда спрашивают, сколько куришь, – либо преувеличиваешь, либо преуменьшаешь. «О, я выкуриваю четыре пачки в день» (все равно что сказать: у меня самый большой член). Или: «Что вы, что вы, мы только по одной, и то редко». На самом деле минимум три штуки в день. Потом врешь себе, когда бросаешь. Потом врешь медикам, когда уже выявили рак. «Ох, я же никогда много не курил».
- Сурово.
- Зато правда. Сю и я обманывали друг друга.
- Дэвид!
- В смысле сигарет, дорогая. «Только одну – в обеденный перерыв». Или: «Нет, другие курили, потому и пахнет». Мы оба так обставлялись.
- Поэтому голосуйте за некурящего кандидата. Голосуйте за Хилари.

– Поезд ушел. Как бы то ни было, мне кажется, что курильщики врут только насчет количества. Как и алкоголики врут только о количестве выпитого.

– Вот это неправда. Я алкоголиков знаю как облупленных. Настоящие алкоголики врут направо и налево. Лишь бы выпить. А чтобы покурить, я и сама привирала. Типа: «выйду подышать свежим воздухом» или «мне пора домой, дети ждут».

– Хорошо, мы выяснили, что курильщики и алкоголики в целом лжецы.

– Голосуйте за Хилари.

– Мы утверждаем, что все лжецы лживы.

– Слишком глубокомысленно для такого позднего часа.

– Самообманщики, кстати, тоже, но это другой вопрос. Наш знакомый Джерри был заядлым курильщиком, человек того поколения. Прошел обследование лет в шестьдесят пять и узнал, что у него рак простаты. Согласился на радикальную операцию. Ему отняли яйца.

– Отняли яйца?

– Ага.

– И у него... это... остался только член?

– Ну нет, ему протезы поставили.

– Из какого материала?

– Откуда я знаю – из пластмассы, наверное. В любом случае по весу – то же самое. Даже не заметно.

– Не заметно?

– Они подвижны, как настоящие?

– Мы, случайно, не отклонились от темы?

– Знаете как французы на жаргоне называют яйца? *Les valseuses*. Вальсерши. Такие же подвижные.

– Женское слово? В смысле женского рода? *Valseuses*.

– Да.

– Почему во французском «яйца» женского рода?

– Однозначно, мы отклонились от темы...

– *Testicules* – не женского. А *valseuses* – женского.

– Яйца женского рода. Вот и верь после этого французам.

– Неудивительно, что они не поддержали вторжение в Ирак.

– Можно подумать, мы с вами поддержали.

– Я – на шестьдесят процентов.

– Как можно поддерживать такую акцию на шестьдесят процентов? Это как на шестьдесят процентов поддерживать теорию, что земля плоская.

– Я и в ней уверен на шестьдесят процентов.

– Короче, почему я вспомнил Джерри: по его словам, он даже успокоился, узнав, что у него рак простаты. Сказал: будь у меня рак легких, пришлось бы бросить курить.

– Так он продолжал курить?

– Вот именно.

– И?

– Ну, несколько лет, довольно долго, все было хорошо. Потом пошли метастазы.

– Тогда он завязал?

– Нет. Сказал, на такой стадии уже бессмысленно – и не стал отказывать себе в удовольствии. Помню, как мы в последний раз навещали его в больнице. Сидит в кровати, смотрит крикет, а под рукой – здоровенная пепельница с окурками.

– В больнице разрешалось курить?

– Он лежал в отдельной палате. Причем в частной клинике. Это было несколько лет назад. Заплатил – и делай что хочешь. Такая вот политика.

- К чему ты нам про него рассказываешь?
- Уже не помню. Вы меня сбили.
- Про самообман.
- Точно – про самообман.
- Я-то считаю, что в его случае все было как раз наоборот: он, похоже, прекрасно знал, что делает. Наверное, решил, что оно того стоит.
- Вот я и говорю: самообман.
- Стало быть, кандидат в президенты просто обязан пройти курс молодого курильщика.
- Я абсолютно уверен, что Обама их всех сделает. Ваш образцовый американец.
- Согласен. На шестьдесят процентов.
- Да ты либерал – со всем согласен на шестьдесят процентов.
- Не уверен, что соглашусь.
- Видите, он только на шестьдесят процентов уверен, что уверен только на шестьдесят процентов.
- Кстати, насчет Рейгана вы заблуждаетесь.
- Он не рекламировал «Честерфилд»?
- Нет, он не умирал от рака легких.
- Я этого и не говорил.
- Разве нет?
- Конечно нет: у него была болезнь Альцгеймера.
- По статистике, курильщики намного меньше подвержены болезни Альцгеймера, чем некурящие.
- По той простой причине, что курильщики не доживают до Альцгеймера.
- Новое бразильское предупреждение: «Этот сорт сигарет способствует профилактике болезни Альцгеймера».
- На прошлой неделе мы полистали «Нью-Йорк таймс». В самолете взяли. Там была статья о продолжительности жизни; в ней говорилось, во что обходятся правительству, точнее, государству различные факторы, ведущие к смертельному исходу. А статистика, которую изучал Макмиллан, когда была опубликована?
- Году в пятьдесят пятом, пятьдесят шестом.
- Ну, сейчас это фуфло. Вероятно, и тогда было фуфло. Курильщик, скорее всего, умрет в районе семидесяти пяти. Тучный – в районе восьмидесяти. А здоровый, некурящий, стройный доживет, очевидно, лет до восьмидесяти четырех.
- И чтобы это просчитать, понадобилось целое исследование?
- Нет, исследование понадобилось для другого: чтобы просчитать расходы на здравоохранение. В том-то и штука. Курильщики – самая низкозатратная статья. Потом идут толстяки. А здоровые, стройные, некурящие создают главную брешь в государственном бюджете.
- Потрясающе. Из всего, что сказано за сегодняшний вечер, это самое существенное.
- За исключением того, что баранина тает во рту.
- Курильщиков все проклинают, разводят их на акцизные сборы, заставляют мокнуть под дождем – и никто не заикается, какая от них польза государственному бюджету.
- Ненавижу двуличие.
- Между прочим, курильщики намного симпатичнее некурящих.
- Хотя провоцируют у некурящих рак.
- По-моему, теория пассивного курения не имеет под собой медицинского обоснования.
- Согласен. Хотя я не медик. Ты, кстати, тоже.
- По-моему, это скорее метафора. Типа твой дым нарушает мое личное пространство.
- Метафора внешней политики США. Мы снова вернулись к Ираку?

– Нет, я к тому, что мне по большому счету всегда казалось, что в эпоху повального курения некурящие были симпатичнее. Теперь наоборот.

– Притесняемое меньшинство всегда симпатичнее? Джоанна это имеет в виду?

– Я хочу сказать, что у курильщиков существует некая солидарность. Если подойти к прохожему на улице у паба или ресторана и стрелкнуть сигаретку – всегда дадут.

– Я думал, ты не куришь.

– Правильно, но если бы курила, могла бы стрелкнуть.

– Отмечаю запоздалый переход к сослагательному наклонению.

– Говорю же: все курильщики врут.

– Останемся наедине – я с тобой разберусь.

– Над чем смеется Дик?

– Яйца-протезы. Любопытная мысль. Или фраза. Применима к чему угодно, от французской внешней политики до Хилари Клинтон.

– Дик.

– Простите, я старомодный человек.

– Ты старомодный ребенок.

– А когда я вырасту, ты позволишь мне курить, мамочка?

– Все эти разговоры про политиков с яйцами. Они яйца выеденного не стоят.

– Один – ноль.

– А знаешь, меня удивляет, что этот ваш знакомый не сказал своему онкологу или хирургу: «А можно, у меня будет другой рак, чтобы не оттяпывать яйца?»

– Ну нет. Он мог выбрать любой из предложенных методов лечения. Но выбрал самый радикальный.

– Это уж точно. Никаких шестидесяти процентов.

– Как можно сделать что-либо с двумя яйцами на шестьдесят процентов?

– Шестьдесят процентов – это в переносном смысле.

– Как это?

– В такой поздний час все будет в переносном смысле.

– На этой ноте попрошу вызвать нам такси – в прямом смысле.

– Помните, какое бывает самочувствие наутро после укуренного вечера? Табачное похмелье?

– Считай, каждое утро. Горло. Сухость в носу. Грудь.

– Не путать с одновременным алкогольным похмельем.

– Бухло развезло, дымок помог.

– Как-как?

– Курение сужает кровеносные сосуды. Поэтому с утра невозможно толком сходить по большому.

– Кто бы мог подумать.

– Дело в том, что ты говоришь, не будучи медиком.

– Мы вернулись к тому, с чего начали?

– То есть?

– Вывернутые полиэтиленовые пакеты и...

– Дик, немедленно уходим.

Но никто не ушел. Мы остались, продолжили разговор и решили, что Обама победит Маккейна, что консерваторов только на определенном этапе нельзя отличить от лейбористов, что «Аль-Каеда» не преминет совершить теракт на Олимпийских играх две тысячи двенадцатого, что лондонцы очень скоро начнут тосковать по автобусам гармошкой, что через несколько десятилетий вдоль Адрианова вала, как при римлянах, опять зазеленеют виноградники и что,

по всей видимости, пока крутится наша планета, на ней не переведутся курильщики – счастливые, чертяки.

Переспать с Джоном Апдайком

– Кажется, мы не оплошали, – сказала Джейн, поглаживая сумочку; двери поезда закрылись с глухим пневматическим стуком.

В полупустом вагоне было тепло и душно.

Алиса знала, что ее дело – нахваливать.

– Ты сегодня была в ударе.

– В кои-то веки поселили в приличной гостинице. Это всегда придает куражу.

– Твой рассказ про Грэма Грина произвел фурор.

– Беспроигрышный вариант, – отозвалась Джейн с ноткой самодовольства.

– Давно хотела спросить: неужели это правда?

– Знаешь, я уже не беру в голову. Отрабатываю номер – и все.

Когда же они познакомились? Сразу и не сообразишь. Лет, наверное, сорок назад, во время череды похожих как две капли воды фуршетов с неизменным белым вином, неизменным истерическим гомоном и неизменными речами издателей. По всей видимости, это произошло на какой-то тусовке ПЕН-клуба или на презентации по случаю выдвижения их обеих на одну и ту же литературную премию. А может, дело было в ту долгую, пьяную летнюю пору, когда Алиса закрутила интрижку с литагентом Джейн; цель этого поступка давно выпала из памяти, а оправданий и прежде не имелось.

– В каком-то смысле даже лучше, что слава у нас не такая громкая.

– Чем же это лучше? – Джейн изобразила замешательство, граничащее с возмущением, как будто придерживалась совершенного иного мнения.

– Ну, публика бы валом валила. Требовала бы новых и новых случаев из жизни. А мы пробавляемся старыми запасами.

– На самом деле публика и так валом валит. Хотя и не столь настойчиво, как... на знаменитостей. А вообще у меня такое чувство, что людям даже приятно услышать знакомые истории. У нас ведь не литературные чтения, а комедия положений. Главное – вовремя вставить хлесткую реплику.

– Например, про Грэма Грина.

– Смею надеяться, Алиса, это нечто большее, чем... хлесткая реплика.

– Не сердись, душа моя. Тебе не идет.

На лице подруги Алиса заметила капельки пота. Той пришлось нелегко: из такси на перрон, с перрона в вагон. Почему, интересно, тучные женщины обожают цветастые ткани? В одежде, как считала Алиса, эпатаж ни к чему, по крайней мере, когда перейден определенный возрастной рубеж.

В пору их знакомства обе только-только вышли замуж и начали печататься. Они подкидывали друг дружке своих детей, подставляли плечо во время разводов, и каждая рекомендовала знакомым книги, написанные другой. Каждая слегка кривила душой, нахваливая произведения подруги, но ведь обеим порой случалось нахваливать и произведения черт-те каких авторов, так что ничего зазорного в этом не было. Джейн слегка поеживалась, когда Алиса называла себя не писательницей, а беллетристкой, и усматривала в ее книгах некоторую претенциозность; Алиса, в свою очередь, считала произведения Джейн рыхловатыми, подчас излишне автобиографичными. Обе – сверх ожиданий – добились успеха, но, оглядываясь назад, полагали, что заслуживали большего. Роман Алисы «Карибский ликер» собирался экранизировать сам Майк Николс^[2], но впоследствии у него изменились планы; тогда за дело взялся какой-то провинциальный телевизионщик, который до неприличия выпятил интимные сцены. Конечно, Алиса этого вслух не произносила; она лишь с полуулыбкой повторяла, что экранизация «пренебрегла недосказанностями текста», – такая формулировка многих ставила

в тупик. Что касается Джейн, ее роману «Путь наслаждений» прочили Букеровскую премию; она грохнула уйму денег на вечернее платье, отрепетировала перед Алисой свою речь – и проиграла какому-то хлыщу из Австралии.

– Кто тебе это рассказал? Просто любопытно.

– Что «это»?

– Байку про Грэма Грина.

– Да был один... как его... Ты, кстати, знаешь – мы обе у него печатались.

– Джим?

– Вот-вот.

– Как ты могла забыть его имя, Джейн?

– Забыла – и все тут. – Поезд без остановки пролетел мимо станции; на такой скорости названия было не разглядеть. С чего это Алиса так взъелась? Сама тоже хороша. – Кстати, ты с ним тогда переспала?

Алиса слегка нахмурилась:

– Веришь ли, не помню. А ты?

– Я тоже запамятовала. Думаю, ты первая, а я за тобой.

– Уж не выставляешь ли ты меня потаскушкой?

– Не знаю. Скорее, я себя выставляю потаскушкой. – Джейн посмеялась, чтобы скрыть полуправду.

– Как по-твоему, это хорошо или плохо, что мы не можем вспомнить такие детали?

Джейн показалось, что ее снова пригласили на сцену, чтобы задать каверзный вопрос. По давней привычке она переадресовала его Алисе – та была у них главной, задавала тон, пресекала эксцессы.

– А ты как считаешь?

– Вне всякого сомнения, это хорошо.

– А почему?

– Да потому, что к таким вещам надо подходить с позиций дзен-буддизма.

Время от времени Алису заносило, и простые смертные не поспевали за ее мыслями.

– По-твоему, буддизм учит забывать имена любовников?

– В каком-то смысле, да.

– Мне казалось, буддизм учит верить в переселение душ.

– Конечно; а иначе как объяснить, что все наши любовники – свиньи?

Они с пониманием переглянулись. Хороший у них получился дуэт. Когда их стали приглашать на встречи с читателями, они быстро смекнули, что будут намного эффектнее смотреться в паре. На какие только фестивали не заносила их судьба: в Хэй и Эдинбург, в Чарлстон и Кингс-Линн, в Дартингтон и Дублин; даже в Аделаиду и Торонто. Поскольку они всюду ездили вместе, издателям не приходилось тратиться на сопровождающих лиц. На сцене они подхватывали реплики друг дружки, проявляли взаимовыручку, лихо отбрасывали ведущего, если тот имел наглость зубоскалить, и давали автографы только тем, кто приобретал их книги. По линии Британского совета они регулярно выступали за рубежом, пока в Мюнхене Джейн, будучи в легком подпитии, не позволила себе какое-то непарламентское выражение.

– Какое у тебя осталось самое жуткое воспоминание?

– О чем – об амурных делах?

– Угу.

– Джейн, что за вопрос?

– Учти: нам рано или поздно его зададут. Такие нынче нравы.

– Изнасилования, к счастью, удалось избежать, если ты к этому клонишь. По крайней мере... – Алиса призадумалась, – суд вынес бы вердикт: «Невиновен».

– А все-таки? – Не получив ответа, Джейн заявила: – Пока ты соображаешь, буду любоваться природой.

С рассеянной благосклонностью она провожала глазами рощи, поля, живые изгороди, стада коров. Горожанка до мозга костей, она расценивала сельскую жизнь с чисто утилитарных позиций: отара овец сулила рагу из молодого барашка.

– Помню один случай... хотя и не вполне очевидный. Да, могу сказать, что самое жуткое воспоминание оставил по себе Саймон.

– Саймон – который? Писатель? Издатель? Или просто «Саймон-ты-его-не-знаешь»?

– Писатель. Это случилось вскоре после моего развода. Позвонил, напросился в гости. Обещал привезти хорошего вина. Приехал. А когда понял, что ему ничего не обломится, закупорил початую бутылку и унес с собой.

– И что там было?

– Где?

– В бутылке, где же еще, – шампанское?

Алиса подумала.

– Нет, вряд ли – шампанское пробкой не заткнешь. Ты, наверное, хотела спросить: итальянское или французское, белое или красное?

По ее тону Джейн поняла, что Алиса недовольна.

– Сама не знаю, что я хотела спросить. Но это плохо.

– Что плохо? Забывать свой вопрос?

– Нет, затыкать початую бутылку. Хуже некуда. – Она выдержала драматическую паузу. – Символический поступок.

Алиса хохотнула, но, с точки зрения Джейн, ее смех больше походил на икоту. Воодушевившись, она включила свой сценический имидж:

– Смех – лучшее лекарство, верно?

– Верно, – подтвердила Алиса. – Кто не смеется, того тянет в религию.

Джейн могла бы пропустить это мимо ушей. Но разговор о буддизме придал ей храбрости, и вообще – подруги они или нет? Тем не менее она покосилась в окно и только потом призналась:

– На самом деле меня, если хочешь знать, затыкнуло. Неглубоко, но все-таки.

– Да что ты говоришь? С каких это пор? То есть с какой стати?

– Пару лет назад. Это, так сказать, приводит в порядок мысли. Спасает от... безнадежности. – Джейн гладила сумочку, словно хотела утешить.

Алиса не верила своим ушам. Ей всегда казалось, что в этом мире все безнадежно – и ничего тут не поделаешь. Какой смысл менять свои воззрения в конце пути? Она прикинула, как лучше ответить – поддержать или отшутиться, – и решила в пользу второго.

– Если твой бог разрешает пить, курить и любить – тогда ничего страшного.

– О, такие пустяки его не волнуют.

– А богохульство? По-моему, когда речь заходит о боге, это – как лакмусовая бумажка.

– Ему безразлично. Он выше этого.

– Тогда одобряю.

– Он тоже. Одобряет.

– Странное дело. Я хочу сказать, боги, как правило, порицают.

– Неужели я пришла бы к богу за порицанием? Мне этого хватило выше крыши. Милосердие, прощение, понимание – вот к чему тянется человек. И конечно, к идее высшего промысла.

– А кто кого выбрал, если, конечно, это правомерный вопрос: ты его или он тебя?

– Вопрос абсолютно правомерный, – ответила Джейн. – По всей вероятности, притяжение было взаимным.

- Что ж, это... комфортно.
- А ведь многие не понимают, что с богом должно быть комфортно.
- Откуда это? Похоже на «Бог меня простит, это его работа»^[3] – так, кажется?
- Да. На протяжении веков люди только усложняли Бога.

По вагону провезли тележку с легкими закусками, и Джейн взяла себе чаю. На дне сумки она раскопала ломтик лимона в специальной пластмассовой коробочке и шкалик коньяка из гостиничного мини-бара. Ей нравилось вести подковерные игры с издателями: если те заказывали им номер в приличном отеле, она держала себя в рамках. К примеру, в этот раз ограничилась лишь коньяком и виски, потому что хорошо отдохнула. Зато однажды (дело было в Челтнеме), когда публика приняла их весьма прохладно, а ночевать пришлось на продавленной койке, Джейн так разозлилась, что выгребла из мини-бара все подчистую: спиртное, шоколад, арахис, открывалку для бутылок и даже формочку для льда.

Тележка, дребезжа, укатила дальше. Алиса тосковала по тем временам, когда в каждом поезде был настоящий вагон-ресторан: столовое серебро; официанты в белых куртках, обученные подавать овощи одной рукой при помощи вилки и ложки; ненавязчивый пейзаж за окном. Все перемены в жизни, подумалось ей, сводятся к постепенной утрате наслаждений. Они с Джейн примерно в одно и то же время утратили тягу к любовным приключениям. Она утратила интерес к спиртным напиткам, а Джейн – к еде, точнее, к ее качеству. Алиса теперь занималась цветоводством; Джейн увлекалась кроссвордами, а для ускорения процесса вписывала слова, совершенно не подходившие к определениям.

Джейн была признательна Алисе: та никогда не ворчала, если Джейн прикладывалась к спиртному раньше, чем позволяли приличия. На нее нахлынула нежность к собранной, терпеливой подруге, благодаря которой они ни разу не опоздали на поезд.

– Какой приятный молодой человек вел эту встречу, – вспомнила Алиса. – Уважительный.

– По отношению к тебе – возможно. А меня он подставил.

– Каким образом?

– Неужели ты не заметила? – Джейн вздохнула, не дождавшись сочувствия. – Стал перечислять всякие книжонки, которые пришли ему на ум в связи с моим последним романом. Попробуй признайся, что впервые слышишь эти названия, – выставишь себя невеждой. Приходится кивать, а читатели будут думать, что у тебя все идеи – ворованные.

Алисе показалось, что это уже отдает паранойей.

– Никто такого не подумает, Джейн. Скорее люди подумают, что парень просто рисуется. Ты вспомни, как они оживились, когда он упомянул «Моби Дика», а ты склонила голову набок и спрашиваешь: «Это про кита?»

– А разве нет?

– Джейн, не хочешь ли ты сказать, что не читала «Моби Дика»?

– По мне заметно?

– Нет, совсем не заметно.

– Вот и славно. Я же никого не обманула. Фильм был такой, я смотрела. С Грегори Пеком. Как по-твоему, стоящая штука?

– Фильм?

– При чем тут фильм? Книжка.

– Если по правде, я и сама не читала.

– Алиса, ты настоящий друг, честное слово.

– А ты читала этих выскочек-мальчишек, по которым все сходят с ума?

– Каких именно?

– По которым все сходят с ума.

– Нет, не читала. У них и без того читателей хватает, ты согласна?

Объемы продаж их собственных книг держались – более или менее – на прежнем уровне. Пара тысяч экземпляров в твердом переплете, тысяч двадцать в мягкой обложке. Их имена, можно сказать, были на слуху. Алиса вела еженедельную колонку о превратностях и ударах судьбы; правда, Джейн считала, что под этой рубрикой полезнее было бы цитировать собственные романы, а не сочинения Эпиктета^[4]. Сама Джейн до сих пор подрабатывала на радио по приглашению редакций социальной политики, прав женщин, общественного мнения и юмора; хотя нашелся режиссер, который сделал в ее учетной карточке пометку «ТУЭ», что означало «только утренний эфир».

Джейн хотелось продолжения беседы.

– А как тебе нынешние выскочки-дамочки?

– В отношении этих еще труднее изображать начитанность, но приходится.

– Мне тоже. Это плохо?

– Нет, это женская солидарность.

Джейн вздрогнула: вагон качнуло порывом ветра от встречного поезда. Какого дьявола так близко прокладывать пути? У нее в голове тут же возникли кадры железнодорожной катастрофы, снятые с вертолета: вагоны сложились гармошкой (телевизионщики обожали это выражение, всегда произносили его с нажимом) и рухнули с моста, среди обломков пробираются спасатели с фонариками, бегают санитары с носилками, а на заднем плане один вагон, как похотливый железный зверь, подмял под себя другой. Эти кадры быстро сменились другими: авиакатастрофа, массовая резня, раковые больные, убийства одиноких старушек – явные опровержения идеи вечной жизни. Бог Одобряющий был бессилен против таких видений. Она вылила остатки коньяка себе в чай. Только Алиса могла ее чем-нибудь отвлечь.

– О чем задумалась? – спросила она несмело, как девочка, впервые в жизни попросившая автограф.

– Если честно, пытаюсь разобраться, завидовала ты мне когда-нибудь или нет.

– Откуда такие мысли?

– Сама не знаю. Всякие глупости лезут в голову.

– Тогда ладно. Потому что эти рассуждения до добра не доводят.

– А что такого?

– Ну как же: если я тебе завидую, то грош цена такой дружбе. А если нет, значит я такая самовлюбленная, что считаю твою жизнь и книги незавидными.

– Джейн, мне ужасно стыдно. Если так посмотреть, выходит, что я – стерва. Прости меня.

– Прощаю. Но раз уж ты коснулась этой темы...

– Ты уверена, что мне нужно знать правду? – Странно: она до сих пор иногда недооценивала свою подругу.

– ...зависть – видимо, не самое подходящее слово. Но когда на твоем горизонте замаячил Майк Николс, я обзавидовалась... правда, вскоре это прошло. А уж когда ты затащила в постель моего мужа, я была просто вне себя, но это скорее ревность, а не зависть.

– Да, неловко вышло. Хотя тогда вы с ним уже разбежались. И потом, время такое было: все со всеми переспали, помнишь?

Под маской беспечности у Алисы нарастала досада. Сколько можно? Из-за этой истории они в свое время разругались в пух и прах. На том дело не кончилось. Джейн написала этот чертов роман, где утверждала, что «Дэвид» уже был готов вернуться к «Джилл», когда вмешалась «Анджела». При этом она почему-то забыла, что их связь длилась не два месяца, а два года и за это время «Дэвид» перетрахал пол-Лондона под боком у «Анджелы».

– Ты поступила недостойно, когда мне призналась.

– Не спорю. Видимо, я надеялась, что ты меня остановишь. Кто-то же должен был меня остановить. Я тогда пустилась во все тяжкие, ты ведь знаешь.

Об этом они тоже говорили не раз. Почему некоторые забывают то, что нужно помнить, и припоминают то, что лучше забыть?

– Ты уверена, что причина была именно в этом?

Алиса сделала вдох. Еще не хватало ей виниться до конца своих дней.

– Нет, совсем не уверена – слишком много воды утекло. Могу только строить догадки.

*Post hoc*¹, – добавила она для весомости, словно поставила точку.

Но Джейн не унималась.

– Неужели Дерек связался с тобой только для того, чтобы меня помучить?

Тут Алиса вспыхнула:

– Ну спасибо на добром слове. Я-то считаю, что он просто не устоял перед моими прелестями, которыми в молодые годы я была не обделена.

Джейн помнила: Алиса щеголяла в таких открытых платьях, что бюст вываливался наружу. Это теперь она предпочитала элегантный брючный костюм с кашемировым джемпером и повязывала вокруг черепашной шеи тонкий шелковый шарфик. А тогда создавалось впечатление, будто она предлагает каждому встречному две спелые дыни. Да, мужчины падки на такие вещи, а Дерек был доверчивее многих; не исключено, что она просто носила особый бюстгальтер.

Слегка меняя направление беседы, но вовсе не уходя от темы, она спросила:

– Ты, кстати, не собираешься писать мемуары?

Алиса покачала головой:

– Слишком обременительно.

– Вспоминать?

– Нет, вспоминать и даже выдумывать – это несложно. А вот готовить публикацию, раскручивать... Мне и так трудно примириться с тем, что мои романы не пользуются большим спросом. А представь, каково это будет: написать автобиографию, подвести итог всему, что увидено, и прочувствовано, и постигнуто, и выстрадано за пятьдесят с лишним лет...

– Так уж и пятьдесят!

– Отсчет ведется от шестнадцати лет, ты же знаешь. До той черты я была несознательной и за себя не отвечала.

Вероятно, здесь и коренилась Алисина поразительная, непоколебимая уверенность в себе. Раз в несколько лет она проводила черту под тем, что было прежде, и объявляла, что снимает с себя всякую ответственность. В истории с Дерексом она повела себя точно так же.

– Продолжай.

– ...а потом обнаружить, что никому до этого нет дела, кроме самых стойких читателей.

Да и тех уже кот наплакал.

– А ты добавь побольше секса. Публика любит, когда старые...

– Клячи? – Алиса подняла бровь. – Перечницы?

– ...перечницы вроде нас с тобой благопристойно рассуждают о сексе. Мужики в старости выглядят бахвалами, когда расписывают свои победы. А старушки – отважными.

– Допустим, но для этого нужно иметь кое-что в активе: романы со знаменитостями. – (Дерек никак не мог претендовать на эту роль. Щелкопер Саймон тоже. А собственный издатель и вовсе не в счет.) – Это первый вариант, а второй – какие-нибудь особо изощренные гадости.

Джейн про себя решила, что подруга чего-то недоговаривает.

– А Джон Апдайк – чем тебе не знаменитость?

– Да ведь он мне только подмигнул.

– Алиса! Я своими глазами видела, как ты сидела у него на коленях!

¹ После этого (лат.).

Губы Алисы тронула натянутая улыбочка. Она прекрасно помнила тот эпизод: у кого-то из знакомых была квартира в Маленькой Венеции^[5], собралась обычная компания, поставили долгоиграющую пластинку, в воздухе поплыл дурман, кто-то привел заезжего писателя, и она вдруг проявила несвойственную ей вульгарность.

– Я сама подошла и села к нему на колени. И он мне подмигнул. Все, точка.

– Ты же сама рассказывала...

– Ничего подобного.

– Ты ясно дала понять...

– Обыкновенное тщеславие.

– То есть?

– То есть он сказал, что утром ему рано вставать. Париж, Копенгаген и далее везде. Рекламная поездка. Сама понимаешь.

– Аналог головной боли.

– Вот именно.

– Ничего страшного, – продолжила Джейн, старательно пряча внезапный прилив веселья. – Я всегда считала, что писателю интереснее, когда все идет наперекосяк, а не по плану. Единственная профессия, где личный крах можно использовать к собственной выгоде.

– Я бы не сказала, что слово «крах» применимо к моему знакомству с Апдайком.

– Конечно нет, дорогуша.

– А ты – уж не обижайся – проявляешь излишнюю напористость, как в группе самопомощи. Или как в программе «Женский час», где ты ничтоже сумняшеся учишь людей, как им жить.

– Разве?

– Суть в том, что любая личная неудача, даже изображенная художественными средствами, отбрасывает тебя на исходные позиции.

– Это куда же?

– К бесславному знакомству с Джоном Апдайком.

– Если это может служить утешением, я сгорала от зависти, когда он тебе подмигнул.

– Ты настоящая подруга, – ответила Алиса, но голос ее выдал.

Они замолчали. За окном поезда остался крупный населенный пункт.

– Что это было – Суиндон? – как ни в чем не бывало поинтересовалась Джейн.

– Наверное.

– Как по-твоему, в Суиндоне у нас много читателей? – *Кончай дуться, Алиса. Еще не хватало нам рассориться.*

– А сама ты как думаешь?

Джейн никак не думала. Она слегка нервничала. Ей в голову пришел случайный факт:

– Это самый большой город в Англии, не имеющий собственного университета.

– Откуда ты только это знаешь? – Алиса старательно изображала зависть.

– Знаю – и все. Не иначе как из «Моби Дика».

Они довольно посмеялись, как заговорщицы. Повисла пауза. Через некоторое время проехали Реддинг, и каждая похвалила другую, что та не стала цитировать «Балладу Реддингской тюрьмы» или рассуждать про Оскара Уайльда^[6]. Джейн ненадолго отлучилась – то ли сходить в туалет, то ли проверить мини-бар у себя в сумочке. Алиса стала размышлять, как лучше воспринимать жизнь: всерьез или легко. Может быть, это надуманное противопоставление, один из способов показать свое интеллектуальное превосходство? Джейн, судя по всему, шла по жизни легко, но лишь до определенного рубежа, а потом стала искать серьезные решения – например, Бога. Лучше уж идти по жизни со всей серьезностью, а потом искать легкие решения. Такие, как сатира или суицид. Почему люди цепляются за жизнь – она же досталась им непрошено? Жизнь человеческая оканчивается крахом – так виделось Алисе положение дел в

этом мире, а те банальности, что изрекала Джейн по поводу преобразования неудач художественными средствами, были махровыми фантазиями. Любой, кто хоть что-то смыслит в искусстве, подтвердит, что произведение никогда не отвечает замыслу творца. Искусство всегда недотягивает, художник не способен дать избавление от жизненного краха и, более того, сам обречен на двойной крах.

Когда вернулась Джейн, Алиса тщательно складывала газету, чтобы запастись чтением для воскресного ужина, состоящего из яйца вкрутую. Что удивительно: с возрастом тщеславие из порока превращается, можно сказать, в свою противоположность – во внутреннюю потребность. Их матери носили пояс или корсет, но их матери давно ушли в мир иной вместе с поясами и корсетами. Джейн всегда была грузной – еще Дерек жаловался; между прочим, его манера хаять бывшую жену непосредственно до или сразу после любовной близости с Алисой и стала основной причиной, по которой Алиса решила с ним порвать. Не из женской солидарности, а единственно из-за того, что считала это дурным тоном, непростительным для мужчины. С годами Джейн раздалась еще больше: сказалось пристрастие к алкоголю и сдобным булочкам. Сдобные булочки! Нет, в самом деле, есть же такие продукты, от которых женщина в возрасте должна отказаться. Невзирая на то что маленькие слабости, о которых лукаво шепчешь в микрофон на потребу толпе, приносят определенную выгоду. Что же до романа «Моби Дик», не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: Джейн эту книгу в глаза не видела. Собственно, в этом заключалось неизменное преимущество их совместных выступлений. Рядом с Джейн Алиса только выигрывала: рассудительная, трезвая, начитанная, стройная. Надо полагать, Джейн сейчас заканчивала роман про то, как некая писательница, склонная к ожирению и алкоголизму, обретает бога и находит у него одобрение. Ну ты и стерва, одернула себя Алиса. Тебе бы самой очиститься в лоне какой-нибудь строгой веры. Последовательный атеизм не может служить тебе моральной опорой.

Чувствуя себя виноватой, она дольше обычного задержала Джейн в объятиях на стоянке такси у Паддингтонского вокзала.

– Собираешься на фуршет в честь «Писателей года»? Это в «Хэтчардсе»^[7].

– В прошлом сезоне я сама была «Писателем года». А в этом – «Забытый писатель».

– Не выжимай слезу, Джейн. Раз ты не собираешься, я тоже не пойду. – Алиса говорила твердо, но не исключала для себя возможности передумать.

– Итак, куда мы едем в следующий раз?

– В Эдинбург, правильно?

– Кажется, да. Твое такси, садись.

– Счастливо, напарница. Ты лучше всех.

– Ты тоже.

Они повторно расцеловались.

Вечером, сварив яйцо вкрутую, Алиса поймала себя на том, что от новостей культуры ее мысли плавно переходят к Дерек. Прохиндей был редкостный, но пылал к ней такой страстью, что все остальное перед этим меркло. И что характерно: Джейн вроде не возражала; обиды начались много позже. Алиса стала искать этому объяснения: то ли у Джейн был какой-то выверт, то ли просто время взяло свое; но ответа не было, и она вернулась к газете.

А в это время на другом конце Лондона Джейн сидела перед телевизором и отщипывала прямо пальцами кусочки сыра и подсушенного хлеба, роняя крошки куда попало. Винный бокал так и норовил выскользнуть из руки. Политическая деятельница из Европы, выступавшая в новостях, напомнила ей Алису, и она задумалась об их многолетней дружбе и о том, как на сцене Алиса вечно перетягивала одеяло на себя, а она не возражала. Почему так повелось: то ли покорность у нее в крови, то ли она решила, что это на руку ей самой? Не в пример Алисе, она без утайки признавалась в своих слабостях. Что ж, вероятно, настало время признаться и в своей недостаточной начитанности. Прямо в Эдинбурге и покаяться. Выступление обещало

быть интересным. Хотелось бы, чтобы такие разъезды продолжались до тех пор, пока... что такое? На месте экрана возникло видение: она, не доехав до дому, падает замертво в полупустом вагоне. Что в таких случаях делает машинист? Останавливает поезд – в том же Суиндоне – и вызывает санитарный транспорт или же просто сажает труп на сиденье, будто человек уснул или напился, и ведет состав дальше, в Лондон? Но кто-то же должен составить акт. А если это произошло в пути, что напишут в графе «место смерти»? Ей вдруг захотелось срочно убедиться, что Алиса в такой ситуации ее не бросит. Она покосилась на телефон, пытаясь догадаться, чем та сейчас занята. Но вслед за тем она представила себе, как Алиса, прежде чем дать ответ, выдержит короткую, неодобрительную паузу, подразумевающую, что подруга несчастна, экзальтирована и не способна справиться с лишним весом. Джейн вздохнула, потянулась за пультом и переключила канал.

У Фила и Джоанны: 2 Апельсиновый джем

В середине февраля стояла такая погода, которая недвусмысленно напоминала британцам, почему многие их соотечественники склоняются к эмиграции. Начиная с октября беспрерывно шел снег, хмурое небо отливало алюминием, в теленовостях сообщали о ливневых паводках, когда детей буквально смывало водой, а стариков эвакуировали на лодках. Мы уже обсудили такие темы, как сезонная депрессия, кредитный кризис, рост безработицы и вероятность повышения социальной напряженности.

– Я считаю, это неизбежно, поскольку иностранные предприятия, действующие на территории Великобритании, завозят сюда рабочую силу из-за рубежа, тогда как в стране полно безработных.

– А по моему убеждению, в Европе работает больше британцев, нежели у нас – европейцев.

– Вы видели, как этот рабочий-итальянец показал репортерам «фак»?

– Если все иммигранты последуют его примеру, я буду обеими руками голосовать за приток рабочей силы из-за рубежа.

– Все, Фил, ей больше не наливать.

– Не хочу повторять вслед за нашим премьер-министром или правыми газетами, которых мы не читаем, но сейчас, по-моему, рабочие места в Великобритании следует предоставлять в первую очередь британцам.

– А европейское вино следует наливать женам британцев.

– Это *non sequitur*².

– Это застольный *sequitur*, что в принципе одно и то же.

– На правах иммигранта...

– Прошу тишины! Слово представителю нашей бывшей колонии.

– Помню, как у вас, ребята, кипели споры, нужно ли соглашаться на введение единой валюты. А я уже тогда думал: тоже мне, нашли проблему. Только что я побывал в Италии, где пользовался единой валютой – имя ей «Мастер-кард».

– Если войти в зону евро, фунт сразу упадет.

– Скажешь тоже – в зону евро...

– Шутка.

– У вас паспорта такого же цвета. Почему бы вам не отвлечься от мелочей и не признать себя европейцами?

– Да потому, что тогда мы лишимся возможности рассказывать анекдоты про иностранцев.

– А это, как ни крути, одна из главных британских традиций.

– Послушайте, вот приезжаешь в любой европейский город и видишь: магазины-то почти везде одинаковы. Иногда даже перестаешь понимать, в какую страну тебя занесло. Внутренних границ фактически не существует. На смену деньгам пришли кредитки, а на смену всему остальному – интернет. Кроме того, сейчас многие говорят по-английски, что значительно упрощает дело. Так зачем же идти против течения?

– Идти против течения – это еще одна типично британская черта.

– Как и двуличие.

– Ох, только не дай ей начать все сначала. Ты уже до смерти заездила своего конька в прошлый раз, дорогая.

– Разве?

² Не следует (из вышесказанного) (лат.).

- Кто оседлал любимого конька, тот погоняет застывшую метафору.
- Кстати, в чем различие между метафорой и сравнением?
- Апельсиновый джем.
- Кто из вас двоих поведет машину?
- Вы уже сделали заготовки?
- Знаете, в магазине я всегда приглядываюсь к севильским апельсинам, но в итоге никогда их не покупаю.
- А ведь это едва ли не последний по-настоящему сезонный продукт. Пусть бы мир вспомнил: каждому овощу свое время.
- Еще не хватало. Кому охота всю зиму давиться репой и брюквой?
- В годы моего детства у нас в кухне стоял большой такой сервант, с глубокими выдвижными ящиками внизу, и раз в год они вдруг заполнялись банками джема. Как по волшебству. Я никогда не видел, чтобы мама его варила. Прибегаешь из школы домой, чуешь такой аромат, бросаешься к серванту – а там полно банок. Еще теплые. И на каждой наклейка. Считалось, что этих заготовок должно хватить на весь год.
- Фил, друг мой! Это все, конечно, трогательно до слез. Не в те ли времена ты по выходным запихивал в ботинки газетную бумагу и тащился подрабатывать на заводе?
- Отвали, Дик.
- А Клод говорит, сезон севильских апельсинов на этой неделе заканчивается.
- Так и знала. Опять не успею ничего заготовить.
- У Шекспира был такой каламбур, что-то про «севильских» и «цивильных». Только не помню, в чем там суть.
- И тех и других можно при желании заморозить, понимаешь?
- Видели бы вы наш морозильный шкаф. В нем хоть шаром покати – и можно подумать, по моей вине.
- Так ведь истина – в вине.
- Что ж мне теперь, напиться?
- Любимая, вообще-то, я скаламбурить хотел.
- А кто такой Клод?
- Хозяин овощного магазинчика. Француз. Француз тунисского происхождения, если уж быть точным.
- Ну, это не одно и то же. Вот скольких лавочников-британцев вы знаете? В своем районе. Сколько их? Каждый четвертый, каждый третий?
- А кстати, известно ли вам, что недавно, когда я вышел на пенсию и стал официально признанным старпером, наше правительство от своих щедрот прислало мне набор для домашней диагностики рака кишечника?
- Дик, может, не надо?
- Торжественно обещаю не оскорблять ваши чувства, хотя соблазн велик.
- Это потому, что ты напился и тебя понесло.
- Обещаю не нарушать приличий. Буду скромненький. А вы уж сами домыслите остальное. Получаешь по почте такой набор с пластиковым пакетом, в котором нужно отправить назад – как бы это сказать? – требуемый материал. По две пробы, взятые в течение трех дней. Каждая – с указанием даты.
- А как... собирать этот материал? Вылавливать?
- Нет, ни в коем случае – он не должен соприкасаться с водой.
- А как тогда...
- Я же пообещал рассказывать об этом на языке романов Джейн Остин. Наверняка уже в те времена существовали бумажные полотенца, картонные палочки и детская игра под названием «Кто ловкий».

– Дик...

– А мне, к слову сказать, однажды пришлось обратиться к проктологу, и он объяснил, что для проверки своего состояния – что это было за состояние, я лучше умолчу – необходимо положить на пол зеркало и присесть над ним на корточки. Но я решил, что лучше плюнуть на свое здоровье, чем так извращаться.

– Наверняка вы спросите, почему я затронул эту тему.

– Да потому, что ты напился и тебя понесло.

– Не спорю, это необходимое условие – но не достаточное. Так вот, объясняю: первый образчик материала я взял в прошлый четверг, а второй запланировал на следующий день, но потом вспомнил: это ведь пятница тринадцатое. Не совсем подходящий день. Поэтому я собрал его в субботу.

– Но это же был...

– Именно. День святого Валентина. Любишь мужчину в соку – люби его прямую кишку.

– Как по-вашему, пятница тринадцатое часто выпадает на канун Дня святого Валентина?

– Я – пас.

– Я тоже.

– Кажется, за все годы детства, отрочества и юности я не послал и не получил ни одной валентинки. Дело в том, что никто из моих знакомых этим не увлекался. Валентинки стали мне приходить только после свадьбы.

– Джоанна, тебя это не беспокоит?

– О нет. Он имеет в виду – от меня.

– Ах, какая прелесть. Кака-а-я прелесть.

– Знаете, я, конечно, наслышан о вашей пресловутой эмоциональной сдержанности, но это просто финиш. Не дарить валентинок до свадьбы.

– Я тут читал, что ученые предполагают наличие зависимости между севи́льскими апельсинами и раком кишечника.

– Это правда?

– Конечно нет, но почему бы не приколоться на ночь глядя?

– Это было бы смешно, если бы ты не тужился изо всех сил.

– Помню, зашел я однажды в общественный туалет и стал читать надписи на стенах. Одна из них гласила: «Когда тужишься, не перегибай палку». И только через пять лет я допер, что это двусмысленность.

– То есть не слишком усердствуй?

– Ну, палка есть палка.

– Совершенно другая тема: устроился я как-то раз в кабинке, никуда не спешу, разглядываю настенную живопись и вдруг замечаю совсем мелкую надпись сбоку, внизу. Наклоняюсь, чтобы прочесть, – и что я вижу? «Сейчас ты срешь под углом в сорок пять градусов».

– Я бы хотел уточнить, что вспомнил про апельсиновый джем по той причине...

– ...что он, возможно, связан с раком кишечника.

– ...по той причине, что это типично британская реалия. Ларри утверждал, что мы все теперь одинаковы. В качестве опровержения можно было бы привести нашу монархию или что-нибудь еще, но я выбрал апельсиновый джем.

– У нас в Штатах тоже есть джем.

– Да, есть – расфасованный в наперстки для гостиничных завтраков. Но домашних заготовок вы не делаете, что с вами говорить.

– У французов точно такой же джем. *Confiture d'orange*.

– Не сравнивай. У них – варенье. Варенье из апельсинов.

– Внесу ясность: ваше традиционное название апельсинового джема, слово *marmalade* – французского происхождения. Образовано из двух слов: *Marie malade*. Речь идет о шотландской королеве, у которой были французские корни.

– Мать честная. Неужели французы уже тогда к нам ломанулись, FCUK их?^[8]

– Так вот: Мария, королева шотландская, она же Мария Кровавая, занемогла. И для нее приготовили апельсиновый джем. Видите связь? *Marie* – Мария и *malade* – по-французски «больная», получается *marmalade*.

– А я считаю, это мы к ним тогда ломанулись.

– Как бы то ни было, я сейчас расскажу, почему британцы всегда останутся британцами.

– Тебя не раздражает, что теперь все именуют нашу страну «СК»? Ни дать ни взять – акционерное общество...

– Я уверена, Тони Блэр это поощрял.

– Мне казалось, у тебя всегда и во всем виновата миссис Тэтчер.

– Нет, я передумала. Теперь во всем виноват Блэр.

– По-моему, акционерное общество – применительно к нам вполне подходящий термин. Мы всегда были нацией лавочников^[9]. Тэтчер всего лишь вернула нас к истокам, напомнила, какой всегда была Англия: страна, которая поклоняется деньгам, преследует корыстные интересы, чурается иностранцев и не приветствует культуру. Так повелось испокон веков.

– Кстати, вам известно, какой еще праздник отмечается четырнадцатого февраля, помимо Дня святого Валентина?

– День прямой кишки?

– Заткнись, Дик.

– Нет. День импотенции.

– Мне нравится твое бриданское чувство юмора.

– А мне нравится твой хорвадский акцент.

– Но это правда. И если меня попросят привести пример британской реалии или, если на то пошло, пример иронии, я расскажу про четырнадцатое февраля.

– Кроваво-красные апельсины-корольки.

– Дай-ка угадаю. Названы в честь королевы Марии Кровавой.

– Вы заметили, что пару лет назад их переименовали в «рубиновые апельсины»? Чтобы люди не думали, что в них содержится кровь.

– Ну да – пусть лучше думают, что в них содержатся рубины.

– Именно.

– Корольки буквально на днях появились в магазинах и по времени совпали с севильскими. Интересно, это такое же редкое явление, как пятница тринадцатое в канун Дня святого Валентина?

– Джоанна, я люблю тебя, в частности, и за это твое поразительное качество. В столь поздний час ты сохраняешь способность направлять наши бредни в единое русло. А нам лестно думать, что мы ведем общую беседу – одно удовольствие.

– В будущем году напиши это на валентинке, Фил.

– Все согласны, что сегодняшний салат из апельсинов-корольков достоин стола королевы?

– А рагу из бараньей шеи достойно стола короля.

– Кто помнит предсмертное желание Карла Первого?

– Чтобы на него надели две рубашки.

– На кого, на Карла Первого?

– В день казни. Погода выдалась холодная, и он не хотел дрожать, чтобы народ не заподозрил его в трусости.

– О, как это по-британски.

– Вспомните любителей надевать исторические костюмы и раз за разом воссоздавать сражения гражданской войны. Мне всегда казалось, что и это очень по-британски.

– В Штатах такое тоже распространено. Да, наверное, и во многих других странах.

– Возможно. Только мы были первыми. Это наше изобретение.

– Да-да, наряду с вашим крикетом, футболом и девонширскими сливками к чаю.

– Нельзя ли на минуточку вернуться к джему?

– Его можно использовать как глазурь для жареной утки.

– Готова поспорить, у всех получается джем разной консистенции.

– Жидкий.

– Тягучий.

– Сю уваривает его до предела, чтобы буквально падал с тоста, если недоглядишь. Совсем не тягучий.

– Если сделать слишком жидким, он будет стекать.

– А косточки нужно сложить в полотняный мешочек и использовать при варке, чтобы получить... как его?

– Пектин.

– Вот-вот.

– Мелко нарубленные косточки.

– Нет-нет, крупно.

– Я измельчаю их в комбайне «Магимикс».

– В жизни не поверю.

– А моя подруга Хейзел использует для джема скороварку.

– Вот я и говорю. Это все равно что варить яйцо. Или, может, жарить яичницу? Опрос общественного мнения показал, что все делают это по-разному и каждый считает, что его способ – самый правильный.

– И какой отсюда вывод, о хранительница общей темы?

– Ларри говорил, что все мы одинаковы. Но это не так. Даже в мелочах мы различаемся.

– Мармеладная теория национального характера.

– Поэтому не бойтесь стать европейцами.

– Не знаю, где находился Ларри – в нашей стране или за ее пределами, – когда уважаемый министр финансов, мистер Браун, который скоро станет бывшим премьер-министром, сформулировал условия для входимости старого доброго британского фунта в болото заграничного евро.

– Не входимости, а сходимости. Признаки сходимости.

– Кто сейчас помнит эти признаки? Хотя бы один?

– Никто. Они и не предназначены для запоминания. Их разрабатывали, чтобы нагнать туману, а потому запомнить их невозможно.

– А почему так?

– Да потому что решение ввести евро было политическим, а не экономическим.

– Мысль понятна – и, возможно, соответствует действительности.

– Но разве можно утверждать, что французы или итальянцы изменились под влиянием евро?

– Французы останутся французами.

– То же самое они говорят про нас.

– Что мы останемся французами?

– Между прочим, севильские апельсины вовсе не обязательны.

– Как славно, что мы вернулись к этой теме.

– Дик в разные годы варил апельсиновый джем из чего придется.

– Зачем ты меня позоришь?

– Однажды он сделал ассорти... из каких же фруктов?... Севильские апельсины, сладкие апельсины, розовый грейпфрут, желтый грейпфрут, лимоны и лаймы. На этикетке я написала: апельсиновый джем из шести фруктов.

– В Евросоюзе такие номера не проходят.

– Заказывайте, кому что: мятный чай, или ничего, или кофе без кофеина, или все-таки мятный чай?

– Я, пожалуй, сегодня воздержусь.

– Эту же фразу я, вероятно, услышу сегодня ночью.

– Дэвид, голубчик мой...

– Да, Сью, голубушка?

– Раз уж ты все равно об этом заговорил... Хочу задать ВСЕМ совершенно не британский вопрос: в последнее время кто-нибудь из вас, вернувшись домой после застолья у Фила и Джоанны, хоть раз выполнил обязательную программу?

– Она имеет в виду традиционный секс.

– Традиционный – это как?

– Ну все, что связано с проникновением.

– Какое ужасное слово, вы не находите?

– Мне рассказывали историю про леди Диану Купер^[10]. Или, может, про Нэнси Митфорд^[11]? Ну, не суть – главное, про какую-то гламурную дамочку. В общем, они... то есть она... на борту трансатлантического лайнера переспала со стюардом. На другой день он столкнулся с ней где-то на палубе и вежливо поздоровался.

– Логично.

– Логично. А она ответила: «Интимная близость – не повод для знакомства».

– Ну разве можно не восхищаться нашим высшим светом? Англия на том стоит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

А Обама наверняка забивал косячок, и не раз. / – Могу поспорить, Хилари никогда не затягивалась. – Намек на известное интервью Билла Клинтона, в котором он признался, что в студенческие годы курил марихуану, «но никогда не затягивался».

2.

Майк Николс (Михаил Игорь Печковский, 1931–2014) – американский режиссер телевидения, театра и кино; постановщик фильмов «Кто боится Вирджинии Вулф» (1966), «Выпускник» (1967), «Волк» (1994) и др. Один из десяти деятелей искусства, получивший в разное время все основные премии американского шоу-бизнеса: «Эмми», «Грэмми», «Оскар» и «Тони».

3.

«Бог меня простит, это его работа» – слова немецкого поэта Г. Гейне (1797–1856).

4.

Эпиктет (50–138) – древнегреческий философ.

5.

Маленькая Венеция – южная часть Мейда-Вейл, фешенебельного района Лондона. Принято считать, что это название придумал поэт Роберт Браунинг.

6.

...цитировать «Балладу Редингской тюрьмы» или рассуждать про Оскара Уайльда. – «Баллада Редингской тюрьмы» – поэма Оскара Уайльда, который отбывал двухлетнее заключение в каторжной тюрьме г. Рединга по обвинению в нарушении нравственности. Впервые опубликована отдельным изданием в 1898 г. за подписью С. 3. 3., что означало тюремный номер Уайльда в Редингской тюрьме: камера три на третьей площадке галереи С.

7.

«Хэтчардс» – старейший книжный магазин (в настоящее время также книжный клуб) Лондона, расположенный на Пикадилли. Основан в 1797 г.

8.

Неужели французы уже тогда к нам ломанулись, FCUK их? – FCUK (French Connection, United Kingdom) – сеть магазинов модной мужской и женской одежды, использующая намеренно провокационное название.

9.

Мы всегда были нацией лавочников. – Аллюзия к высказыванию Наполеона: «Англичане – это нация лавочников».

10.

Леди Диана Купер (1893–1986) – жена британского посла во Франции, актриса и общественный деятель, хозяйка великосветского салона, признанная красавица.

11.

Нэнси Митфорд (1904–1973) – английская писательница; светская львица, известная своей эксцентричностью.